

Пётр Карпович Игнатов

Братья-герои

В Краснодаре в одном из городских садов стоит памятник из черного полированного гранита.

На цоколе сверкают золотые буквы: **ГЕРОИ СОВЕТСКОГО СОЮЗА ЕВГЕНИЙ И ГЕНЯ ИГНАТОВЫ**

К памятнику часто приходит невысокий человек с орденом Ленина на груди. Это отец Евгения и Гени, бывший командир отряда краснодарских партизан Петр Карпович Игнатов. Батя – называли его партизаны.

Отдыхающие в саду бойцы, комсомольцы, школьники узнают Батю и просят его рассказать о братьях-героях.

Петр Карпович садится на ступеньки памятника и рассказывает о своих сыновьях.

Некоторые из его рассказов собраны в этой книжке.

Всей семьёй

Помню холодный ноябрьский день 1941 года...

Вечером радио приносит тяжелую весть: по приказу Верховного командования, нашими войсками оставлен Ростов-на-Дону.

Всю ночь дует пронзительный осенний ветер. Идет колючий снег. Ветер бросает его пригоршнями в окно, он стучит назойливо, упрямо, и этот стук отчетливо слышен даже сквозь двойные рамы и тяжелые гардины.

Рано утром я выхожу на работу. Иду по улицам Краснодара. Низко несутся серые рваные тучи. Под ними, почти касаясь верхушек деревьев, летят на север наши самолеты. Грохочут танки по мостовой. В скверах стоят зенитки.

В коридоре Краснодарского химико-технологического института у стола отборочной комиссии – группа взволнованной молодежи. Студенты уходят на фронт.

Прохожу в свой кабинет. Начинается обычный рабочий день. Говорю со своими сотрудниками о новом расписании занятий, о будущей студенческой практике, о проекте нового завода «Главмаргарина». Еще недавно это казалось мне живым, интересным, а сейчас – с какой радостью я стал бы в очередь со своими студентами к столу отборочной комиссии и сказал бы: «Я старик. Но что из того? Разве я не могу воевать?»

Поздно вечером я прихожу домой. Меня встречает жена. Она зябко кутается в белый пуховый платок.

– Женья до сих пор не пришел. А он обещал непременно зайти. Я уже два раза выходила на крыльцо. Никого. Только ветер и снег. Слышишь?

Мы молча сидим с женой, слушаем вьюгу и вспоминаем далекие годы: Питер, подпольная работа на заводе, ссылка в далекий Невьянск на Урале, а потом бои за Октябрь, великая битва у стен Царицына и ликвидация кулацких банд на Дону.

– Нет, больше нельзя сидеть сложа руки... Надо действовать!

Три дня назад я снова просился на фронт у секретаря горкома партии.

– Рано, посиди пока в Краснодаре, – сказал секретарь.

– Стар, что ли?

– Стар не стар, но и не молод: полвека прожил.

– Может быть, некого посадить на мое место директора института?

– Не торопись: твое время еще не пришло...

Невмоготу ждать, когда придет это время! А проклятый ветер по-прежнему воеет за окном, и Жени до сих пор нет.

– Пора брать в руки винтовку, Елена Ивановна, – говорю я жене.

Жена молчит, но я знаю: в нужный час она бесстрашно пойдет в бой, как шла когда-то в ссылку, как боролась за жизнь наших сыновей в осажденном Белогвардейцами Царицыне. Не раз приходилось ей скрываться в деревнях, занятых врагом, стирать чужое белье в оплату за угол в сарае, украдкой кормить ребят картошкой с чужих огородов и бок о бок со мной идти в бой с винтовкой в руке и медицинской сумкой на боку...

Все это было давным-давно. А сейчас мы по-стариковски каждый вечер сидим дома, перечитываем редкие, скупые письма нашего среднего сына Валентина – он на Западном фронте – и ждем чего-то настоящего, яркого, большого.

Придет ли оно для нас? Или нам, старикам, только и осталось в жизни, что память о прошлом?..

Кто-то стучится. Наконец-то!

Женя входит, весь запорошенный снегом. Быстро снимает пальто, целует мать.

– Родичи, что это вы призадумались?

Женя садится рядом со мной.

– Я к тебе, папа. Позволь без предисловий. У нас на комбинате сколачивается партизанский отряд. В него входят мои друзья. Многих из них ты хорошо знаешь: Ветлугин, Литвинов, Янукевич, Сафронов, Слащев. Меня выбирают начальником штаба. А тебя просят быть командиром – у тебя большой опыт и боевой и подпольной работы. Я уже говорил с секретарем горкома, он согласен. Ну, папа, решай...

Глубокой ночью я провожаю сына.

Тихо в городе, тише, чем в поле в глухую полночь. Рваным пологом повисли лохматые тучи. Только ветер свистит и воет в переулках и швыряет в лицо колючий снег. Но на сердце легко и ясно. Пришло, наконец-то, настоящее, большое, о чем мы думали с Еленой Ивановной: вся семья идет партизанить – и мы, старики, и наши ребята.

ГЕНЯ МЕЧТАЕТ

На следующий день рано утром мой младший сын Геня выходит в столовую пить чай. Я говорю ему:

– Мы уходим партизанить в горы. Согласен идти с нами?

Геня ничего не понимает. Он смотрит на меня большими, широко открытыми глазами.

– В партизанский отряд?.. Вместе с тобой, с мамой, Женей?..

Я повторяю ему еще раз. Теперь Геня понимает. Но он еще не верит.

Он подходит к матери, кладет ей руки на плечи, внимательно смотрит в глаза:

– Мама, дай честное слово... дай честное слово: это правда?

– Правда, Геня.

Геня от радости что-то кричит, хватая мать в охапку и кружит ее по комнате.

– Ура-а-а!

– Пусти, Геня... пусти... Больно... – смеется мать.

– Ура-а-а! – не унимается Геня.

Потом, посадив мать на стул. Геня подходит ко мне.

– Папа, ты назначишь меня шофером в отряд. Я буду водить партизанскую машину. Хорошо?

Он старается говорить серьезно, «как взрослый». Но его глаза сияют от восторга, и я знаю: если дать ему волю, он снова завертит мать по комнате, перевернется на полу через голову и так гаркнет «ура», что сбегутся соседи.

Еще бы! Все, что происходит сейчас, похоже на волшебную сказку.

Геня учится в девятом классе, и до призыва в Красную армию надо ждать, по крайней мере, год, бесконечно долгий год. Сколько раз он хотел уйти в армию! Он собирался даже убежать к партизанам на Украину. И вдруг его зовут в партизанский отряд, и, быть может, через несколько дней он уйдет в горы вместе с отцом, матерью, братом и будет бить немцев.

Но Геня все еще не верит в свое счастье (а вдруг скажут: «Ты еще мал, Геня»), и он старается быть серьезным, как Женя, которому подражает во всем, даже в манере говорить, одеваться и каким-то особым жестом приглаживать волосы.

– Так как же, папа, я буду шофером?

– Ну, что я говорила! – смеется Елена Ивановна. – Настоящий Игнатов.

Жена права: у Гени страсть к механике. Очевидно, это у нас, Игнатовых, в крови: мой отец – механик, я – инженер, старший сын Евгений – инженер-конструктор, средний сын Валентин – теплотехник.

С восьми лет у Гени дома маленькая мастерская: у тисков с напильником в руках он вечно что-то мастерит.

«Я построю такую машину, какой нет в целом свете», – мечтает он.

Его закадычные друзья – шоферы соседнего гаража. Геня проводит там все свободные часы – лазает под машины, возится с разобранным мотором. Домой возвращается грязный, измазанный маслом. Мать его строго отчитывает. Но назавтра он снова в гараже и снова весь в масле. Десятилетним пареньком он впервые самостоятельно ведет машину и безмерно горд...

– Так как же, папа, я буду шофером?

– Будешь, Геня, но при одном условии: ты поступишь в автошколу, кончишь ее и получишь права водителя. Это первое. Второе: ты хорошо знаешь немецкий язык, но я подыщу тебе преподавателя, и ты будешь заниматься с ним каждый день часа по два, чтобы свободно говорить по-немецки. И третье: ты должен перейти в десятый класс. Понятно? Иначе не возьмем в отряд... Я понимаю, тебе будет трудно, но так надо. Подумай и скажи: справишься?

Геня молчит. Потом говорит серьезно, твердо смотря мне в глаза:

– Я сделаю это, папа... Сделаю. Честное слово.

– И еще последнее, Геня: обо всем, что ты слышал сегодня, ни звука.

– Никому, папа. Даже Павлику...

Геня держит свое слово. Он по-прежнему приносит хорошие отметки, аккуратно посещает автошколу, прилежно изучает немецкий язык, свободные часы проводит на танкодроме, а по ночам, когда дом засыпает, он зажигает свет и в постели читает справочники по танкам из моей библиотеки.

Однажды мать застаёт его за этим занятием и приказывает потушить свет. И вот тут-то Геня открывает матери свой секрет:

– Ты, мама, только никому не говори, пожалуйста, а то смеяться будут. У меня есть мечта, самая большая мечта: иметь в партизанском отряде свой собственный танк. Я понимаю, танка нам Красная армия не даст. Да мы и не возьмем: какие же мы будем партизаны, если не сумеем сами раздобыть танк! Брать танк придется у немцев. Ну, так вот, я и хочу знать назубок каждый винтик, каждый рычажок германских танков.

Знать так, чтобы он был для меня таким же простым и знакомым, как «эмочка»... Понимаешь, о чем я мечтаю? А теперь скажи: я прав? Ну, конечно, прав! А ты говоришь – ложись спать. Спать сейчас некогда. Пospим потом... Позволь, мамочка, я еще часок почитаю.

Что могла сказать на это Елена Ивановна?

КАКИМ РЕМЕСЛОМ ВЛАДЕЕШЬ?

Ростов снова наш. Но враг по-прежнему стоит у ворот Кубани, и мы с Евгением продолжаем сколачивать отряд. Но какое это все-таки сложное, трудное дело!

Евгений – начальник технико-конструкторского отдела «Главмаргарина», одного из крупнейших промышленных комбинатов у нас на Кубани. С ним работают его друзья, его однокашники еще по институту. Годами они вместе ходили на лекции, сдавали экзамены, выезжали на практику, вместе мечтали, спорили, ссорились, мирились, танцевали на вечеринках. Они знают друг друга так, что, кажется, нельзя лучше знать человека. И все-таки нелегко даже из таких друзей сколотить партизанский отряд.

Мало одного желания стать партизаном. Мало здоровья, физической силы, честности и беззаветной преданности делу. Нужно уменье.

Судите сами. В горах нам, прежде всего, потребуются бойцы. Но какой толк от нашего отряда, если в нем будут только снайперы или только пулеметчики? Среди нас должны быть люди всех воинских специальностей: снайперы, связисты, подрывники, саперы, минометчики, артиллеристы. Кто знает, как обернется дело в горах?

Но нас мало, а военных специальностей много. И мы с Евгением требуем: записался в отряд – учись военному делу. Учись всему – кидать гранату, стрелять из пулемета, миномета, винтовки. Учись ползать по-пластунски, ходить по компасу в разведку, маскироваться, подавать сигналы. Учись владеть и нашим, и немецким оружием: ведь нашими главными «поставщиками» в горах будут фашисты.

Но и этого мало. В горах магазинов нет. Там на базар не сходишь и за деньги ничего не купишь. Придется все делать своими руками. Но мы не хотим, как Робинзон, одеваться в звериные шкуры, жить в шалашах и быть оторванными от Большой земли. И не потому, что мы привыкли к культурной жизни и нам трудно с ней расстаться. Нет, вовсе нет. А потому, что если у нас не будет настоящего теплого, сухого жилья, если мы будем есть кое-как и ходить рваные и грязные, мы будем плохо воевать. Значит, нам нужны свои строители, свои хирурги, повара, портные, сапожники, охотники, шоферы, следопыты, механики, радисты.

Но где их взять? Ведь в нашем отряде главным образом друзья Евгения – инженеры, директора, экономисты, научные работники. Многие из них прожили всю жизнь в городе и знают только свой завод, формулы, книги, лабораторию. Как же быть? Где раздобыть сапожников, портных, охотников, поваров?

Мы приуныли с Евгением. А потом поняли: ведь каждый из нас умеет что-то мастерить, имеет свою маленькую домашнюю профессию. Взять хотя бы нашего директора маргаринового завода Якова Ильича Бибикова. Он в свободное время любит сапожничать. Инженер Николай Демьянович Причина – заядлый радиолобитель. Инженер Павел Павлович Недрига отлично умеет ковать лошадей. Евфросинья Михайловна Коневиченко – мастерица готовить такие обеды, что пальчики оближешь. Директор мыловаренного завода Борис Петрович Веребей – лихой наездник. Елена Ивановна еще в гражданскую войну занималась на фронте хирургией. Геня постигает сейчас шоферское искусство. А строителей и механиков среди нашего брата-инженера, конечно, хоть отбавляй.

И вот Евгений стал спрашивать каждого вступающего в отряд:

– Каким ремеслом владеешь? Чем занимаешься на досуге? Умеешь печь хлеб? Умеешь тачать сапоги? Замечательно! Умеешь плотничать? Очень хорошо! Умеешь готовить, шить, пасти скот, охотиться? Отлично!

И оказалось, что у нас в отряде есть люди, которые умеют делать все, что потребуется нам в горах. У нас даже будет свой поэт и художник. Он не только хорошо рисует, но и прекрасно стреляет из пистолета.

Так не спеша, внимательно, исподволь мы с Евгением сколачиваем отряд. В нем около шестидесяти человек. И среди них семь женщин.

«ЛЕСНОЙ ПРОФЕССОР» УЧИТ КВАКАТЬ

– Меня еще одно беспокоит, папа, – сказал однажды Евгений. – Не каждый из нас должен быть поваром, охотником, сапожником, но все мы должны знать грамоту партизанской жизни. А ведь мы горожане. Вот я и наладил занятия по «азбуке» лесной жизни. Наш «лесной профессор» – коммерческий директор комбината Петр Петрович Мусьяченко. Он потомственный почетный черноморский казак: его прадед, оказывается, пришёл на Кубань из Запорожской Сечи. Сам он страстный охотник и прекрасно знает кавказские предгорья. Он уже начал занятия... Ты, папа, загляни к нам в штаб МПЗО. Только приходи после полуночи – раньше нам не удастся вырваться с работы.

Как-то глубокой ночью я пришел в этот штаб – в небольшую комнату на втором этаже одного из корпусов комбината.

Открываю дверь и вижу: друг против друга сидят два почтенных инженера – главный механик комбината Геронтий Николаевич Велугин и механик точных приборов Николай Ефимович Кириченко – и квакают. Против них стоит «лесной профессор» Мусьяченко. Он строг и неумолим.

– Нет, Геронтий Николаевич, надо чуть выше и протяжнее: ква-а-а. И запомните: так квакают лягушки только по вечерам, когда на завтра ожидается теплый солнечный день. По утрам же кваканье резче и отрывистее: ква... ква. Да неужели вы сами никогда не подмечали этого?

За лягушечьим кваканьем начинается стрекот сойки, треск цикады и особое кабанье хрюканье: будущие партизаны изучают сигналы в лесу. А потом все тот же Петр Петрович увлекательно рассказывает о кабаньих тропах, о языке следов и своенравии горных речушек. И разгораются горячие споры о партизанской борьбе, о конспирации, об устройстве лагеря, об одежде, обуви, вооружении.

Я сижу в стороне и наблюдаю за Евгением.

Это он заставил бесконечно занятых людей – директоров, инженеров, хозяйственников, научных работников – стрекотать, как стрекочут сойки, чмокать и хрюкать по-кабаньи. Но если любому из них сказать, что он явился сюда по чьему-то приказу, он искренне удивится. Нет, ему никто не приказывал. Правда, на днях с ним говорил Евгений: звал зайти после работы в штаб МПВО. Первый раз, конечно, идти не хотелось – тянуло домой, но Евгений звал так весело и радушно и в то же время так настойчиво и требовательно, что отказаться было невозможно. И он пришел. Потом охотно приходил всякий раз, когда напоминал ему об этом Евгений. И эти веселые беседы в штабе МПВО незаметно вошли в жизнь.

Я сижу в штабе, наблюдаю, как мягко и умело руководит Евгений подготовкой будущих партизан, и ловлю себя на том, что горжусь сыном.

Да, на его долю выпало тяжелое детство: переезд в Петроград из Невьянска на Урале, где мы с женой были в ссылке, из Петрограда на Волгу, голод, осада Царицына и страшный путь с матерью ко мне вдоль Дона. Маленький Евгений на всю жизнь запомнил, как рвались снаряды у его вагона, как страшно кричала на снегу раненая женщина.

Кончилась гражданская война – и снова кочевая жизнь: меня, директора военных заводов, перебрасывают из Армавира в Майкоп, из Майкопа в Краснодар.

Евгений становится не по летам серьезным мальчиком, молчаливым, настойчивым, упорным. Но он бесконечно ласков с матерью, трогательно любит малышей, готов часами ухаживать за больной собачонкой, подобранной на улице, и с кулаками бросается на здорового ломового, ударившего кнутом измученную клячу.

Его дружба крепка и требовательна. За товарища он пойдет на смерть. Но если друг струсит, совершит нечестный поступок, Евгений неумолим: никакие слезы, никакие посулы не изменят его сурового приговора.

Мой Евгений страстный книголюб. В детстве он запоем читал все, что попадалось под руку. «Мальчик с книжкой» – называли его знакомые.

В 1931 году Евгений блестяще кончает среднюю школу и поступает сразу на второй курс механического факультета Химико-технологического института. Он самый молодой студент – ему всего лишь шестнадцать лет. Но в первый же год он отлично сдает экзамены за два курса. О нем с восторгом говорят профессора. Им гордится институт.

Евгений заканчивает институт, когда ему едва исполняется двадцать один год. Перед ним, инженером, встает выбор: должность администратора на большом заводе в Новосибирске или место конструктора на комбинате «Главмаргарин» в Краснодаре.

Евгений выбирает второе: он хочет изобретать, творить, конструировать. И он не желает расставаться с Кубанью.

– Что может быть лучше моей Кубани? – говорит он. – Ее золотых полей, белых хат, тополей, ее высокого неба и синих гор на горизонте... Нет, я никуда не уеду. Здесь началась моя сознательная жизнь, здесь я и буду работать.

В 1939 году Евгений с гордостью показывает своим друзьям только что по полученный им партийный билет.

Хороший у меня сын...

Сейчас Евгений занят сверх всякой меры. Весь день – на комбинате. Ночью – в штабе МПВО. К тому же где-то надо раздобыть оружие, одежду, обувь, лекарства, продовольствие и несчетное количество всяких мелочей: в горах ничего не купишь.

Штаб МПВО комбината становится партизанским штабом. Это выходит как-то само собой: Евгений – начальник обоих штабов.

На комбинате наши ночные сборища никого не удивляют: почти все мы, как бойцы групп местной противовоздушной обороны, находимся на казарменном положении. Что же странного в том, что из ночи в ночь мы собираемся в штабе МПВО?

Конспирация полная: даже самые близкие люди не знают о нашем партизанском отряде. Об этом позаботился Евгений. Он сам свято хранит тайну и научил хранить ее и наших будущих партизан.

Даже меня, своего командира, они в беседе друг с другом не называют по имени и отчеству.

На одном из наших первых собраний в штабе Евгений, смеясь, назвал меня «Батя». Подозреваю, он сделал это не случайно. Новое имя прижилось: так меня стали звать все мои товарищи по отряду.

Ну что ж. Батя так Батя.

ВЕРЕВОЧКА – ВЕЩЬ НЕНАДЕЖНАЯ

Прошла зима. Помню, как-то поздним весенним вечером Евгений пришел ко мне:

– Папа, я к тебе за советом. Мне кажется, мы не имеем права быть обычным партизанским отрядом. Уж хотя бы по одному тому, что среди нас много инженеров. Мы должны стать отрядом минеров-диверсантов: рвать поезда, мосты, плотины, склады, минировать дороги, разрушать переправы. Я организую на комбинате занятия по минному делу под руководством опытного сапера – капитана Гришина. Ты как смотришь на это?

Со следующего дня начинаются занятия. На них ходят все партизаны нашего отряда. И на лекциях капитана Гришина на одной парте сидим я и Геня.

В разгар занятий к нам приехал неожиданный гость – мой средний сын Валентин. Офицер, дважды тяжело раненный в осях под Москвой и Ростовом, он едет через Краснодар в Крым, где разгораются тяжелые бои.

Вечером у нас собрались все три брата: Валентин, Евгений, Геня. Валентин рассказывает об одной из своих минных диверсий:

– Как-то меня с товарищем послали в тыл – помочь партизанскому отряду взорвать мост. Когда я подобрался к берегу реки, я увидел: мост охраняется так, что даже кузнечик к нему не подобрется незаметно.

Этот двухарочный мост лежал на важной железнодорожной магистрали – по ней непрерывным потоком шли на передовую воинские эшелоны, – и немцы охраняли мост, как зеницу ока.

Но приказ был ясен: взорвать мост во что бы то ни стало. Я лежал в кустах, придумывал десятки комбинаций и тут же отвергал их – все они были одинаково безнадежными.

И вдруг мне вспомнилась кинокартина, я видел ее в детстве. Это был приключенческий фильм из жизни контрабандистов на турецкой границе. И я решил на белорусской земле использовать опыт контрабандистов Закавказья.

Валентин на минуту замолчал. Но Гене не терпится:

– Ну, дальше, Валя!

– Рано утром следующего дня я на берегу разделся догола, оставив на себе только пояс с привязанным к нему солидным камнем. Потом вырезал длинную сухую тростинку и, держа ее во рту, вошел в реку. Вода покрыла меня с головой. Но на поверхности, как перископ подводной лодки, торчала тростинка. Я дышал сквозь тростинку и шел по дну, как заправский водолаз. Фильм, оказывается, не врал: тростинка действовала на славу.

От радости я засмеялся под водой. Но тут же, как ворона в крыловской басне, разинул рот, выпустил тростинку и вдоволь хлебнул воды. Пришлось прекратить опыт, отвязать камень и плыть обратно к берегу.

Все же решение первой части задачи было как будто найдено. Оставалось решить вторую часть: ухитриться доставить к мосту взрывчатку. И снова мне помогли все те же контрабандисты с экрана.

Мы с товарищем сняли нижние рубахи, намочили их и связали у каждой ворот и рукава, оставив только отверстия внизу. Потом крепко ударили рубахами о воду.

Рубахи вздулись пузырями. Пол водой мы осторожно стянули и перевязали отверстия. Пузыри свободно держали на воде нужный нам запас тола, тщательно завернутого в пергамент.

Вечером началось подводное путешествие к мосту. Над рекой густой белой пеленой плыл туман. При свете фашистских ракет наши пузыри походили на распухших мертвецов – в те дни много их плыло по реке.

Мы медленно шли по дну, держась за края пузырей. Иногда на мелких местах нам приходилось идти, согнувшись в три погибели. Не раз мы срывались в ямы и глотали холодную речную воду, но продолжали крепко держать свои пузыри с толком и не выпускали изо рта спасительных тростинок.

Наконец подошли к среднему устью моста. Осторожно взобрались на него, привязали пакеты со взрывчаткой, прикрепили к чеке взрывателя конец парашютной стропы (я забыл сказать, что захватил с собой около двухсот метров этого тонкого и крепкого шпагата, обвязав его вокруг пояса) и так же медленно отправились по дну реки назад, разматывая стропу, пока она не кончилась. Тогда вылезли на мель и потянули стропу. Она намокла и была тяжела, как морской канат. Потянули еще раз – никакого результата.

«Неужели стропа зацепилась за корягу?» – подумали мы.

Передохнув, впряглись, как бурлаки, в стропу и потянули что есть силы. Страшный взрыв потряс воздух. Мы с товарищем нырнули в воду.

Когда через минуту мы снова высунулись из воды, в ярком свете ракет был виден рухнувший мост. Тяжелые фашистские пулеметы иступленно били по кустам на берегу, тревожа ни в чем неповинных лягушек...

– Дальше, Валя, дальше! – нетерпеливо торопит Геня.

– Дальше?.. Дальше было так: мы пришли к себе на базу, партизаны принялись нас качать, нечаянно уронили моего спутника, он шлепнулся о землю, ушиб заднюю часть тела и долго ругался... Вот и все.

– Слышал, Женя? Слышал? – восхищается Геня. – Вот бы нам так рвать мосты! А?.. Да что ты молчишь, Женя? Скажи, здорово?

– С тростинкой и пузырями хорошо, – медленно говорит Евгений, – а вот с веревкой плохо. Мы будем рвать без веревки. Как мы это сделаем, я сегодня еще не знаю. Но будем рвать лучше: проще, надежнее. Поверь, не ударим лицом в грязь... Ты не сердись на меня, Валя, – и Евгений ласково притронулся рукой к плечу брата, – но ведь ты сам понимаешь: веревочка – вещь ненадежная. А в нашем деле надо работать так, чтобы наверняка, безотказно, насмерть. Понимаешь?..

ЛАГЕРЬ НА ГОРЕ СТРЕПЕТ

В июле 1942 года мы узнали, что нашими войсками оставлены Ростов и Новочеркасск.

Немцы рвутся на Кубань, к перевалам Кавказа.

Значит, пора!

В отряде идут последние приготовления. Мы заготавливаем полушубки, валенки, телогрейки, шапки, перчатки. В механических мастерских комбината куются финские ножи и кинжалы. К обычным гладкоствольным ружьям Евгений делает особые патроны с тупыми пулями, напоминающие «джиганы» американских лесорубов: на двести метров они пробивают толстую доску.

В Краснодаре по-прежнему никто не знает, что мы уходим партизанить. Все убеждены, что мы призваны в Красную армию – у нас на руках мобилизационные

листки из горвоенкомата. Для тех же, кто повстречается с нами в пути, мы – работники геолого-изыскательского отряда, производящего съемку дороги к будущему лесозаводу...

Враг подходит все ближе и ближе к Краснодару.

Второго августа, правдами и неправдами раздобыв первые шесть подвод, Евгений отправляет их с партизанским имуществом в станицу Крепостную – нашу ближайшую перевалочную базу. Через два дня туда же первым рейсом уходит отрядная машина. Ее ведет Геня.

Седьмого вечером отрабатываем явки, пароли, сигналы и на рассвете восьмого последний раз грузим машину, и тракторный прицеп.

Я никогда не забуду нашего ухода из Краснодара...

Рассвет. По улице грохочут колеса телег, окна дребезжат от несущихся мимо грузовиков. На дворе комбината рвется снаряд немецкого танка. Со звоном разлетаются разбитые стекла.

По дороге к мосту через реку Кубань – людской поток. Вот идет какая-то семья. Старик и дети несут шубы и самовары. Женщина тянет за веревку корову. На руках у женщины младенец.

Мы идем по улицам родного города. Тяжело расставаться с ним. Тяжело покидать родные места. Каждый камешек словно говорит тебе: «До свиданья». Мелькают знакомые здания, площади, улицы – дом за домом, квартал за кварталом.

Благополучно переправляемся через мост. Садится солнце. На севере в туманной дали виднеется родной Краснодар. Враг уже занял город. Там остались наши родные, близкие, любимые. Кто знает, какие муки ждут их...

Я смотрю на Евгения. Куда девалась его обычная веселость? Брови нахмурены. Губы плотно сжаты. У рта обозначились морщины.

Идем к горам. Перед нами огромным кряжем стоит Карабет. Справа – гигантская подкова Сибербаша, слева – гора Саб.

Вьется узкая дорога. За поворотом – то причудливые очертания гор, то темный, мрачный, молчаливый лес. Воздух полон сладким запахом цветов, пестреющих в густой траве.

Впереди горы, горы... Их вершины похожи на застывшие гребни гигантских волн. Каменные пики поднимаются к небу. Ниже мелькают красочные узоры цветущих лугов. И чем дальше к горизонту, тем горы всё выше, всё круче.

Дорога идет вдоль реки Афипс. Река изгибается замысловатыми петлями. Подчас она описывает почти полную окружность и вдруг поворачивает назад и снова вьется и кружит.

Афипс – в кружеве белой пены. Река бежит, играет по цветным камням. Камни просвечивают сквозь воду. Они лежат на дне точно шелковистый пестрый ковер. Но мы проклинаям прекрасные горные реки: десятки раз приходится нам переправляться вброд, скользить по камням, наткаться на острые коряги, неожиданно проваливаться в ямы.

Едем под нависшими скалами по краю обрыва, где малейшее неосторожное движение грозит увечьем и гибелью. Сами прокладываем себе дорогу – убираем камни, засыпаем ямы, рубим деревья. Порой кажется, что по узкой, извилистой тропе может пройти лишь верховая лошадь. Но Геня каким-то чудом ухитряется вести по ней машину, а наши инженеры и директора неплохо справляются с повозками, запряженными упрямыми волами...

Евгений находит удобное место для лагеря.

Глухое, дикое, неприступное ущелье горы Стрепет. Ее склоны круты и обрывисты. Страшно даже подумать о подъеме на них, особенно в грязь и гололедицу. Скрытая узкая тропа ведет наверх, где в восьмистах метрах от подошвы лежит отлогий выступ, покрытый небольшими буграми. В плане выступ похож на гигантский вопросительный знак. На этом-то «вопросительном знаке» мы и начинаем строить наш зимний лагерь.

Это нелегко. Кругом скалы. Пробуем долбить – не поддаются. Тогда мы начинаем их взрывать. Для постройки одной только столовой пришлось произвести девятнадцать взрывов.

А сколько возни при рубке леса! Толстенные высокие кедровые деревья надо валить с таким расчетом, чтобы они, падая, не зацепились за соседнее дерево, иначе много нарубишь, а толку не будет. Но мы постигаем и это искусство.

Строительство идет хорошо. Гулкое эхо разносит по ущелью необычные в этих краях удары топоров, визг пил, говор людей.

Геня работает наравне со всеми.

Наконец все сделано. Хороший получился у нас лагерь.

Прежде всего – отдельное жилье для каждого взвода, общая кухня-столовая, командный пункт, лазарет и под крутым, почти отвесным склоном горы – помещение для дальней разведки. Это не шалаши и не землянки. Это настоящие просторные деревянные дома, для тепла углубленные в скалы. Глиняная крыша не пропускает воды. Полы деревянные. Внутри – широкие, просторные нары с тюфяками из сухих листьев, покрытые фильтротканью. Тут же столы, скамейки, пирамиды для ружей, полочки для всякой мелочи, фонари «летучая мышь и обязательное зеркало. В кухне – большая плита с котлами и духовым шкафом, русская печь и деревянная ванна. Командный пункт соединен телефоном с казармами, с помещением дальней разведки, с главней заставой. Николай Демьянович Причина наладил двустороннюю связь по радио.

Единственное «осложнение» – вокруг немцы. Но наш «вопросительный знак» неприступен.

Сверху к нему нельзя подобраться: по крутизне едва ли рискнет спуститься даже горный козел. Лагерь недоступен и снизу: вход в ущелье прикрывает застава с завалами. Единственная тропка, ведущая к нам, так крута, что, взбираясь по ней, можно ставить ногу только на ребро. Два сторожевых укрепления простреливают тропу с фронта и флангов. К тому же она находится под огнем наших казарм. Из помещения дальней разведки можно бить по ней из пулеметов. Словом, несколько метких стрелков смогут долго оборонять наш лагерь даже от крупной вражеской части.

После окончания первых работ приказываю Евгению выстроить всех на поляне.

Солнце садится за горы. В небе загораются первые звезды. Вокруг лагеря на постах часовые.

Выхожу к отряду. Стараюсь говорить спокойно, ничего не скрывая:

– Впереди тяжелая, напряженная жизнь... Не каждому дано быть партизаном. Тем более диверсантом... Поэтому, если у кого-либо есть хоть доля сомнений в своих силах, откажитесь. Сейчас еще не поздно... Ну, так как же, друзья?..

Тишина. В кустах крикнула ночная птица. Грохнул далекий оружейный выстрел, эхом отозвавшись в горах.

По одному с правого фланга выходят бойцы перед фронтом. И на глухой горной поляне под нашим высоким кубанским небом каждый скрепляет своей подписью торжественную партизанскую клятву.

Теперь мы спаяны друг с другом насмерть.

ПТИЧИЙ РОДНИК

Проходит всего тишь несколько дней после того, как мы закрепились на горе Стрепет, а Евгений уже торопит:

– Папа, пора за работу.

Положение на фронте тяжелое. Немцы прижимают части Красной армии к перевалу в глубине гор. Они накапливаются в станицах, чтобы отсюда прорваться в предгорья, в обход Новороссийска. Они мечтают перевалить через Кавказский хребет, хотят захватить Закавказье, пройти в Турцию, в далекую Индию... Надо закрыть врагу все дороги к морю – рвать мосты, железнодорожные пути, шоссе.

– Прежде всего, – говорит Евгений, – мы должны знать каждую кабанью тропку, каждый лесок, каждую горку вокруг лагеря. На проводников надежда плоха. Да и не пристало нам с няньками ходить. Я хочу наладить агентурную разведку: в каждом хуторе, в каждой станице мы должны иметь своих друзей. Пойду искать их – у меня есть кое-какие адреса. Кстати захвачу с собой несколько человек из нашей дальней разведки: пусть походят со мной, попривыкнут.

И Евгений приучает наших горожан к далеким переходам. Он учит инженеров и директоров, экономистов и научных работников ходить цепочкой, знать свое место в строю, определять направление по солнцу, по звездам, по коре дерева, по узору на срезе пня. Учит находить кабаньих след на тропе и поясняет: если след свеж, можно идти спокойно – тропа не заминирована. Раз навсегда он запрещает громко разговаривать в пути, курить без разрешения, кашлять и чихать.

– Когда захотите кашлять – жуйте рукав, захотите чихать – чихайте в рукав. Но только без звука.

Он учит аккуратно складывать вещи, носить рюкзак, учит отдыхать, используя каждую минуту на привале.

Евгению помогают наши охотники Сергей и Данило Мартыненко и наш «лесной профессор». И люди идут, карабкаются на кручи, переходят быстрые речки, на привалах валятся пластом от усталости, но все-таки делают то, что полагается делать разведчикам в горах.

Помню один небольшой эпизод...

Надо сказать, что недалеко от нас стоит гора Ламбина. Она названа так по имени какого-то грека, который когда-то выжигал здесь известь. Гора свободна: немцы не построили на ней своих дзотов и партизаны не закрепили ее за собой.

Во время одной из наших разведок на северном склоне горы мы обнаружили в кустах у тропинки маленький родничок.

Все роднички на ближайших тропках мы берем на строгий учет: без воды не прожить во время походов. На песке около этого родничка мы заметили следы. Сразу разобраться в них не сумели, но решили узнать, кому известен этот родник и кто сюда ходит за водой. Я поручил Литвинову засесть в кустах у родника.

На следующий день Михаил Денисович вернулся и привел с собой «гостя». Литников рассказал:

– Пришел я и залег. Лежу на животе, впереди винтовка. сбоку гранаты. Притаился и слушаю. Тишина. День солнечный, жаркий. Лежу час. лежу другой. Ни души. Скучно. Ко сну клонит. Я даже щипать себя начал, чтобы не захрапеть... Вдруг, на мое счастье, птичка прилетела. Не знаю, как ее зовут, но брюшко у нее, как яичный желток. Попрыгала, повертелась, взлетела на высокую ветку и громко зачирикала. Откуда ни возьмись налетела целая стая, уселась у воды и стала пить. Напилась и давай играть. А я рад: все-таки развлечение, не уснешь. И каких только птиц тут не было, Батя! И с красным пузиком, и с желтым, и с синими крылышками, и с белыми, и с пегими. Одним словом, представители всех пернатых. Играли долго. И вдруг ни с того ни с сего вспорхнули и улетели. Будто ветром их сдуло. Я вспомнил лекции нашего почтенного «лесного профессора» и решил: человек идет. Замер. Даже дышать боюсь. Лежу пять минут, лежу десять. Никого. Ни птичек, ни человека.

Лежал, лежал и так истомился, Батя, что, сознаюсь, решил закурить. Только сунул руку в карман, чтобы кисет вынуть, как кусты зашевелились, показалась винтовка, а за ней немец. Я замер. Немец огляделся, меня не заметил, успокоился, положил винтовку на землю и начал пить. Тут я вскочил – и к нему. Надо думать, вид у меня был устрашающий. Во всяком случае, немец растерялся, и я успел схватить его винтовку. Ну, а когда винтовка оказалась в моих руках, ему ничего не оставалось, как слушаться меня беспрекословно. Мы шли с ним всю дорогу и молчали. О чем он думал, не знаю. А я дал себе слово впредь верить любой пичужке. Одним словом, получите немца. А мне разрешите закурить...

Немец оказался упрямым: молчал, как убитый. Глаза злые. Рोजа поганая. Евгений отправил его в партизанский штаб.

Так мы учимся трудному искусству разведчика. А Евгений все повторяет:

– Разведка, разведка и еще раз разведка! Перед всякой, даже незначительной, операцией мы должны проводить самую тщательную разведку, чтобы бить немцев наверняка, насмерть, с малой кровью.

И Евгений мастерски ведет разведку. Иногда наблюдение за местом будущей операции длится несколько дней. Разведчики изучают каждую тропинку, каждую лощину, каждую извилину проволочных заграждений, расположение пулеметных гнезд, силу вражеского гарнизона и распорядок его дня. Разведчики ведут подробные дневники своих наблюдений. Эти записи Евгений проверяет данными агентурной разведки. И, когда наступает время, наши минеры-диверсанты идут на операцию, как в свой дом, где знаком каждый закоулок, каждая половица, где нет и не может быть неожиданностей.

Евгений смел и осторожен. Он никогда не бросается очертя голову. И обычно наши разведки проходят тихо, скрытно, без единого выстрела. Но все же раза два-три Евгению не удалось провести наблюдение по всем обязательным правилам нашего отряда. И разведка получилась «громкая», даже очень громкая.

Помню такой случай.

«ГРОМКАЯ» РАЗВЕДКА

Разведка на конях подходит к хутору Макартет, спешивается, прячется в кустах. Георгий Федорович Журба, турбинный мастер и наш дальний разведчик, с револьвером и гранатами ползет к хатам.

На хуторе как будто пусто: ни немцев, ни местных жителей. Тишина.

У крайней хаты тоже никого. Журба тихо стучит в окно. На крыльцо выходит сгорбленный старик.

Журба прикладывает палец к губам. Потом, коснувшись рукой кобуры, показывает на землю рядом с собой: молчи, дескать, иначе смерть.

– Дедушка, скажи, где у вас немцы стоят? Не бойся...

– Мне бояться нечего, сынок: страшнее того, что видел, не увижу, – шепчет старик.
– По правде оказать, пособлять вам опасно: не любят вас гады, боятся, как огня. Но я русский человек. Слушай, сынок...

Старик оглядывается по сторонам.

– Немцы стоят на том конце хутора. Аккурат сейчас обедают. К ним тайком не подобрешься – у них караулы поставлены на крышах. Все видят, проклятые. Курица зашебуршит на огороде – и ту окликнут. Намедни подползла к нам партизанская разведка – хотела немцев тихо накрыть. – и половина наших остались на месте. Нет, парень, уходи подобру-поздорову. И своим накажи, чтобы носа к нам не показывали. И в хутор Ново-Алексеевский не ходите, и в Свободный – там то же, что и у нас. Ступай. парень, восвояси, пока жив...

Журба пополз обратно.

«Как быть? – думает Евгений, выслушав рассказ Журбы. – Приказано разведать подходу к железнодорожному мосту через реку Убинку. Для этого надо прошупать все хутора, что лежат по дороге к мосту, выяснить живую силу противника, добраться до моста, засечь огневые точки. В лагере думалось, что все это просто и легко. А тут оказывается – путь к мосту лежит через хутора и станины, зорко охраняемые немцами. Может быть, обойти эти места? Но нет, это будет слишком долго. Да и кто может поручиться, что и на кружных дорогах немцы не заметят разведки? Что же делать?..»

– Проверить седловку и оружие! – приказывает Евгений. – По коням!

Разведчики подъезжают к хутору Немецкий караул у околицы удивленно смотрит на группу всадников, что едут так спокойно, не таясь.

Неожиданно всадники пришпоривают коней и вскачь мчатся через хутор. Немцы ничего не могут сообразить. И, только когда разведка уже вырывается далеко за околицу, вдогонку ей гремят автоматные очереди.

Отъехав, всадники переходят на шаг – берегут коней. И через хутор Ново-Алексеевский опять вихрем проносятся по улице.

Но в Свободном немцы уже предупреждены – они встречают разведчиков огнем. На широкой станичной улице разгорается бой. Немецкий офицер высоком сером коне мчится прямо навстречу Евгению. Грохают два выстрела. Офицер камнем падает с коня. Под Евгением убита лошадь. Он прыгает на землю. Разведчики уже далеко. Вокруг враги. Евгению оглядывается. В нескольких шагах от него над трупом убитого офицера стоит серый конь. Евгений подбегает к нему, прыгает в седло и. отстреливаясь, догоняет своих...

Уже виден мост. Но бой в Свободном всполошил охрану. Немцы залегли в окопах и открыли частый огонь.

«Стреляйте, стреляйте, – думает Евгений, лежа в густых кустах орешника. – Стреляйте крепче. Показывайте нам свои орудия, минометы, пулеметные гнезда».

Он быстро набрасывает план, засекает огневые точки...

В лагерь наши возвращаются далеким кружным путем.

– Подступы к мосту разведаны, – коротко, по-военному, докладывает Евгений. – В Свободном произошла стычка. Убито восемь и ранено двенадцать фашистов. У нас потерь нет.

И сын протягивает мне лист бумаги. Это подробный план подходов к мосту – тропы, дороги, лощины, кусты, ломаная линия окопов; кружочками и крестиками помечены орудия, минометы и пулеметные гнезда. И все это так аккуратно, подробно, обстоятельно, будто весь день сидел Евгений у моста, спокойно смотрел и чертил.

Помню еще одну разведку. В нее ходили Евгений и Геня. Они пропадали несколько дней. Были на волосок от смерти. Спаслись чудом. И долго после этого вспоминали и подкову немецких дзотов у горы Пшеда, и «огненную горку», и страшный обратный путь по козьим тропам через кручи и горные обрывы.

Но надо рассказать все по порядку.

...Разведка доносит: немцы сооружают дзоты по хребту горы Пшеда. Как расположены эти дзоты, много ли их, никто толком не знает.

Решено разведать дзоты. Но в нашем отряде все заняты на операциях, и на разведку отправляются человек двадцать из соседнего павловского отряда. Их ведет Евгений. Вместе с ним я посылаю Геню и его приятеля и одноклассника Валерия.

Мы долго обсуждаем маршрут.

Можно идти свободным от немцев далеким обходным путем по горным кручам. Но Иван Тихонович, павловский партизан, местный старожил и охотник на кабанов, не советует: путь очень тяжел – крутые, почти отвесные подъемы, ущелья, пропасти. Дороги нет, есть козьи тропы; по' ним с трудом пройдет даже он, опытный охотник. Есть и второй путь. Он легче, но опаснее: придется пробираться под самым носом у немцев – мимо хуторов, занятых фашистами.

Выбираем второй путь.

Ночью отряд подходит к хуторам и ложится в кустах.

Темным-темно. Небо закрыто облаками. Но вечером лягушки устроили такой концерт, что сомнений быть не может: завтра погода улучшится. Надо спешить – луна сорвет операцию.

Впереди ползут двое: Иван Тихонович и наш Валерий. Крадутся вдоль плетней. Пробираются огородами. Огибают немецкие караулы.

Неожиданно твякнула собака. Где-то совсем рядом слышатся шаги. Проходит патруль. Фриц, идущий с краю, чуть не наступает на Валерия.

И снова тихо.

Разведчики ползут дальше. Они уже на скошенном лугу. Это хорошо: где-то близко должен быть стог.

Первым на него натывается Иван Тихонович и треском цикады зовет к себе Валерия. Они ломают несколько патронов, делают пороховую дорожку, поджигают ее и быстро отскакивают в кусты.

Стог вспыхивает. В хуторе тревога. Немцы тащат воду, длинные жерди, вилы и рыщут по кустам в Поисках поджигателей. Напрасно: разведчики уже обходят хутор с противоположной стороны.

К утру отряд подходит к хребту Пшеда и снова ложится в кусты.

В полдень Евгений вместе с Иваном Тихоновичем выползает на опушку. Где-то здесь должны быть таинственные дзоты.

Лягушки не обманули: стоит жаркий солнечный день. Далеко впереди расстилается степь. В бинокль видны белые хаты хуторов, тополя, какие-то люди. Медленно движутся волы. Чуть в стороне – гряда невысоких зеленых холмов. И все это тает в струях знойного марева.

Никаких признаков дзотов.

Еще и еще раз внимательно вглядываются разведчики. Бинобль переходит из рук в руки.

– Зря прогулялись, Иван Тихонович Ровнехонько ничего, – замечает Евгений.

– Нет, что-то холмики эти мне не нравятся: уж больно они зелены. Не бывает так на самом деле. К тому же, полюбуйте на тот куст, что стоит слева: он пожелтел раньше срока.

Куст действительно высох. Но что в этом удивительного?

– Мало ли почему он мог пожелтеть, Иван Тихонович!

– И я про то же говорю – мало ли почему желтеют кусты. Взять хотя бы такой случай: пересадили его неудачно, вот он и пожелтел.

Целый час разведчики н\$ спускают глаз с холмов. Холмы по-прежнему безлюдны – ни дымка, ни человека.

– А все-таки надо пощупать холмики, Евгений Петрович. Желтый куст меня очень смущает: незачем ему желтеть раньше срока, незачем.

Решено ночью разведать холмы.

План операции прост. Холмы расположены подковой, обращенной своим створом к горам. Евгений берет с собой Геню, Валерия и группу ребят и ползет внутрь подковы. Бросает гранату. Расчет такой: если холмы оживут, можно будет выяснить, достаточно ли сильны эти дзоты. Если не очень сильны, их уничтожат собственными силами, а если штука серьезная, то, не ввязываясь в драку, разведчики отойдут и сообщат куда следует. Иван Тихонович со своей группой прикрывает отряд.

Все это надо проделать до восхода луны.

Ночь темна, ни зги не видно. Евгений со своими ребятами вползает внутрь подковы.

Тишина. Какая-то сонная пичужка выпорхнула из-под ног. Прошуршал маленький зверек в кустах. И опять тихо.

Нет, Иван Тихонович явно ошибся – холмы пусты.

И вдруг совсем рядом раздается громкий испуганный крик:

– Halt!

Грохает выстрел. За ним второй, третий. Справа длинная очередь пулемета. Ей вторят слева еще два пулемета. В небо взвивается ракета.

Светло, как днем.

Евгений с ребятами прижимается к земле. Хорошо еще, что трава здесь высокая, густая. Пулеметы продолжают бить. И одна за другой в небе рвутся ракеты.

Нечего и думать штурмовать дзоты. Надо уходить. Но уйти нельзя – пули не дают даже голову поднять. Особенно безумствуют пулеметы, что стоят по краям подковы, – они закрывают выход из западни.

Пользуясь короткими мгновениями кромешной тьмы между вспышками ракет, Валерий ползет к правому пулемету и, улучив момент, швыряет гранату. Пулемет замолкает. Грохает взрыв слева: это Иван Тихонович пытается пробить дорогу Евгению.

В ответ на взрывы тотчас же оживают новые огневые точки немцев. Уже бьет добрый десяток пулеметов и даже 47-миллиметровая пушка.

Евгений с ребятами в огненном мешке. Сейчас поднимется луна – и немцы перебьют их, как куропаток.

Пулеметы неистовствуют. Рядом с Евгением громко вскрикивает Шура Сидоренко, голубоглазый веселый юноша, и затихает. А ракеты всё рвутся и рвутся в темном небе и ослепительным светом заливают эти проклятые холмы.

Жить осталось недолго...

И вдруг – бывают же минуты неожиданного счастья!– стрельба стихает. Последний раз взвивается в небо ракета. Последний раз твюкает дежурный пулемет.

Тишина! Медлить нельзя. Пусть эта тишина – ловушка, но надо попытаться вырваться из мешка.

Евгений с ребятами ползет обратно. Невероятно трудно тащить тело Сидоренко. Но бросить его нельзя: таков уж закон в отряде – не оставлять врагу даже трупа товарища.

Евгений каждую минуту ждет какого-нибудь сюрприза. Но дзоты молчат. Уже остался позади створ подковы, уже Иван Тихонович обнимает Евгения, а тот все еще не может понять, почему же немцы их выпустили.

Надо уходить. Идти старым путем нельзя. Остается только путь через горы.

Партизаны быстро роют могилу для Сидоренко и молча хоронят погибшего товарища.

Поднимается луна. Отряд цепочкой уходит в горы.

Иван Тихонович мрачен: только он один знает, каким тяжелым будет их путь по козьим тропам.

ОТРЯД В МЕШКЕ

Они устали так, что казалось, нет большего счастья, как лечь навзничь и лежать, лежать неподвижно, вытянув тяжелые, как свинец, ноги, широко раскинув натруженные руки.

Позади остался тяжелый бой у подковы дзотов и страшный переход по горным кручам. Многих этот путь основательно потрепал. Пришлось спуститься ниже, на пологий склон, и лечь здесь, на невысокой горке, среди лесной поляны. Вокруг стоят старые разлапистые сосны. Пряно пахнут в густой траве какие-то большие розовые цветы. И ласково поет река внизу.

Люди спят. На высокой столетней сосне сидит Валерий. Перед ним, как на ладони, далеко, до самого края небес, лежит его родная кубанская земля. Белеют станицы. Над ними, как острые казацкие пики, поднимаются в горячее небо пирамидальные тополя. И все это трепещет в призрачном мареве знойного полдня.

Всю дорогу Валерий шел молодцом. И только сейчас почувствовал, как мучительно устал. Уснуть бы! Но спать нельзя: внизу, у реки, должны быть немецкие засады, и Евгений Петрович строго-настрого приказал смотреть и слушать.

Жарко. Пересохло горло. Болят глаза от этого неумеренного солнца. Болит все тело. Особенно ноги – их никак не вытянешь на сосне.

Валерий садится поудобнее, обнимает корявый сук, прислоняется к стволу.

Пахнет смолой, лесом, солнцем. Щебечут, перекликаются лесные птицы на деревьях. Поет река.

Валерий дремлет. В голове – обрывки воспоминаний...

Вот он сидит на берегу с удочкой. Река гладкая, тускло-серебристая. Течение ее почти неуловимо. Дрогнул поплавок. И снова замер. А струи бегут и бегут и ласково колеблют маленький красный поплавок. В воде, пронизанной солнцем, видно, как стая рыбок подходит к наживке. Они всё ближе, ближе... И вот уже нет рыбок, нет поплавок, нет реки. Валерий сидит на парте. Контрольная по алгебре. Задача на бином Ньютона – та самая, что была в апреле, несколько месяцев назад. Длинные ряды букв...

Неожиданно над головой застрекотала, захлопала крыльями сойка, пересела выше и снова тревожно застрекотала.

Валерий насторожился.

Тишина. Спокойно перекликаются птицы.

Зря заволновалась непоседливая птица, только дрёму спугнула.

Но не сидится сойке: Валерий опять слышит громкий стрекот, трепыхание крыльев.

На той стороне поляны чуть шевелится куст шиповника. Отодвигается ветка, и в густой, сочной зелени появляется лицо немца: белесые глаза, нос в веснушках, выцветшие брови.

Валерий осторожно поднимает карабин, кладет дуло на сук, ловит на мушку врага.

Но стрелять нельзя. Надо ждать.

Немец до пояса высовывается из куста и зорко осматривает поляну. Снизу он не может заметить партизан, что лежат на горке в густой, высокой траве.

Он смотрит минуту, другую. Подает знак. На поляну выползают пятеро фрицев.

Медлить нельзя. Валерий быстро спускается с сосны и крадется по траве.

– Евгений Петрович, на поляне немцы!

– Буди всех. Только тихо. И – в цепь...

Недвижно лежат партизаны в траве. Справа, чуть поодаль от них, за стволом древней сосны, Евгений приготовил гранаты, вложил в них запалы, вынул патроны из запасной сумки – дело обещает быть жарким.

Один за другим выползают немцы из кустов. Их уже около сотни. Пригнувшись к траве, они медленно идут, широким полукругом охватывая небольшую горку на поляне, где лежат партизаны.

Немцы всё ближе. Наши ждут. Уже кое-кто нетерпеливо оглядывается на Евгения: когда же, наконец?

Евгений поднимает автомат – это условный знак, – и ружейный залп разрывает тишину.

Немцы откатываются назад. В траве, в кустах шиповника страшным криком кричат раненые, пытаются отползти к своим.

Новая атака – и новая неудача.

На этот раз немцы молчат около часа. Молчит и горка на поляне.

Вздрагивают кусты. Ящерицами ползут фашистские санитары, оттаскивают раненых.

Горка молчит.

Еще один томительный час. Все тихо. Птицы успокоились и снова весело щебечут на деревьях.

И опять появляются немцы на поляне. Теперь они идут спокойно, во весь рост: видимо, решили, что партизаны ушли в горы.

Залп, как огненный хлыст, хлещет по немецкой цепи. Фашисты в панике бегут к кустам. И опять кричат раненые в траве.

Неожиданно справа ударяют сразу два пулемета. Они бьют длинными очередями по горке, срезая пулями пушистые метелки трав и розовые пахучие цветы. Уже стонет первый раненый – у него раздроблено плечо. Пули свистят над головой. Еще на несколько миллиметров опустит пулеметчик ствол – и, как ножом, срежет партизанскую цепь.

– Валерий, бери троих – и к пулеметам, – приказывает Евгений.

Валерий отползает в сторону. За ним цепочкой ползут его одноклассники. С ними Геня. Они ныряют в кусты шиповника. Колючие шипы вонзаются в тело, рвут одежду,

цепляются за патронную сумку, мешают ползти. Дальше – острые камни. Снова кусты шиповника. И наконец – густая трава.

А пулеметы продолжают бить по горке. Надо спешить.

До пулеметов остается шагов тридцать. Ребята вскакивают и бросают гранаты. Четыре взрыва слились в один. Пулеметы заглохли.

Ребята быстро ползут по траве. Им наперерез уже бежит группа немецких автоматчиков. Но тут снова оживает горка на поляне: это Евгений прикрывает огнем отход смельчаков...

Наступает вечер. Догорает заря. Плавятся в лучах вечернего солнца стволы сосен. За рекой все залито красным, оранжевым, синим светом, а сзади, на горе, стоит горный ельник, острый, точеный.

Тишина. Но немцы здесь, рядом. Широкой подковой залегли они вокруг лесной поляны. Они отрезали наших от единственной удобной дороги по склону горного кряжа, преградили им доступ к реке и прижали к горам – к дикому нагромождению скал и ущелий. Остается лежать на этой поляке, окаймленной кустами шиповника, и выбирать одно из двух: или выходить под перекрестный огонь пулеметов, или умирать от жажды.

Вода!

Четвертые сутки лежат партизаны четвертые сутки без воды.

Все так же щебечут птицы на деревьях. Сладко пахнут цветы. В мареве стоят далекие хутора. Поёт река под горой. И от этого тихого журчанья струй путаются мысли и жажда ощущается еще мучительнее, еще острее. Кажется, только несколько капель воды – и тело снова станет сильным и можно будет уйти в горы и вырваться из этой гибельной западни.

Но воды нет. Трижды пытались смельчаки спуститься к реке, и трижды пулеметные очереди накрывали их у самых кустов. А тут, как нарочно, ночи лунные и светлые, как день. И люди недвижно лежат под соснами. Играют солнечные блики на траве. И все так же, словно дразня и усмехаясь, журчит река.

Утром Евгений нашел в дупле старой лиственницы маленькую лужицу затхлой темно-коричневой воды. Он намочил в ней платок и дал раненым по несколько капель. Вода пахла сыростью и гнилью. Но раненые глотали ее так, как знатоки смакуют драгоценное старое вино.

Сейчас нет даже этой воды. Люди лежат недвижно в траве и смотрят, как плывут по синему небу легкие белые облака. Хотя бы дождь, маленький, короткий дождь! Но дождя нет. Пересохло горло. Даже шёпотом сказанное слово вызывает острую, режущую боль. Мутится рассудок. Некоторые бредят.

– Иду, Евгений Петрович. Лучше от пули умереть, чем этак мучиться.

Ребята вскакивают и бросают гранаты; четыре взрыва сливаются в один.

Иван Тихонович прикрепляет к поясу несколько фляжек.

– Я беру с собой Плетнева. Мы с ним вместе лет десять на кабанов ходили. Авось...

Расчет у Ивана Тихоновича прост: после полудня, отобедав, немцы, разморенные едой и солнцем, едва ли будут зорко охранять подступы к реке.

С края поляны Евгений видит, как ползут к воде охотники. Они уже на середине пути. Осталось каких-нибудь сто метров до кустов у реки.

Люди на поляне замерли. Ждут, нервничают.

– Евгений Петрович, как?

– Ползут, ползут...

С Плетневым какая-то заминка. Иван Тихонович вернулся к нему. Минуты две лежит рядом с Плетневым. Потом пополз один. Плетнев остался: надо думать, выбился из сил. Или, может быть, у них родился новый план?..

– Ну, как там наши?

– Скоро будет вода.

– Скорей бы...

Иван Тихонович исчезает в кустах у реки. Сейчас он набирает воду...

Автоматная очередь. Трое немцев, выскочив из густой травы, бегут туда, где должен быть Иван Тихонович.

Евгений вскидывает винтовку. Один немец падает.

Тотчас же по горке начинают бить пулеметы. Евгений прижимается к земле. Жужжат пули, не дают поднять голову. В коротких перерывах между очередями слышится глухая возня у реки, голоса, крики.

Когда пулеметы смолкли, Евгений увидел: далеко, на лугу, немцы ведут к станице партизан. Плетнев еле передвигает ноги. Его бьют прикладом. Он падает. Потом снова поднимается и, хромая, идет вслед за Иваном Тихоновичем.

Евгений возвращается к своим. Его ни о чем не спрашивают. Все ясно...

Спускается вечер. Над рекой поднимается сизый туман. Сверкают серебристые изломы гор. Темный лес сонно покачивает мягкими вершинами елей. Тают во мгле скалы. Монотонно шумит река.

– Я пойду, Евгений Петрович. Возьму с собой Геню и пойду.

Это говорит Валерий. Он держится лучше всех – только глаза ввалились и покраснели.

В распоряжении Валерия и Гени один короткий час темноты – от захода солнца до восхода луны.

Надежды мало: в это время немцы особенно бдительны. Но это последняя попытка. Если ребята не добудут воды, надо уходить в горы. Быть может, кто-нибудь и сумеет добраться до лагеря. Лучше смерть в горах, чем здесь, в мышеловке.

Евгений ждет.

Тишина.

И вдруг в той стороне, куда ушли Валерий с Теней, завывли мины.

Конец...

Надо собираться, поднимать людей – тех, кого еще можно поднять.

Стрельба затихает. Где-то в лесу незнакомо кричит ночная птица.

Сигнал?

Нет, ждать помощи неоткуда.

И снова тишина. Только река все поет и поет под горой.

Автоматная очередь. Вторая, третья. Потом сухие выстрелы карабина.

Так, значит, живы! Живы!

Выстрелы уходят все дальше и дальше от поляны и замирают в горах.

Люди ждут.

Евгений лежит и слушает.

Полная луна поднимается над горой, лунный свет ложится на темные вершины деревьев и освещает круглый камень.

Хрустнула сухая ветка. За камнем мелькнула тень и пропала.

Немцы?!

Евгений вынимает гранату.

– Ползи к нашим, – шепчет он партизану, который лежит рядом с ним. – Пусть рассыплются цепью. И до моей гранаты – ни звука.

И вдруг раздается еле слышный треск цикады – такой родной, близкий, знакомый! Неужели? Нет, не может быть...

Снова трещит цикада, словно настойчиво требует ответа.

Евгений отвечает.

Кусты у камня раздвигаются, и, залитый лунным светом, вырастает Валерий.

– Простите, Евгений Петрович: заблудились мы, когда от немцев отстреливались. Услышали голоса – решил проверить. Получайте.

Валерий протягивает фляги с водой. За ним стоит Геня. Они оба мокры с ног до головы: не утерпели, выкупались.

Хочется кричать, петь, танцевать.

И совершается чудо.

На каждого пришлось по несколько скупых глотков, но люди ожили. Будто и не было этих страшных, мучительных дней без воды, без надежды...

Бесшумно, цепочкой партизаны уходят в горы. Мягко шумит лес верхушками деревьев. Тянет сыростью от ущелья. Сияет луна.

Ребята так и не смогли связно рассказать, как шли они по горам. Они помнили только крутые, почти отвесные подъемы, горячее солнце, затхлую воду в дуплах и огромную радость, когда они поняли, наконец, что лагерь близко. И вот уже заслуженный отдых.

– Обедать, дорогие, – хлопочет Евфросинья Михайловна.

– Иду, иду, Евфросинья Михайловна, – улыбается Евгений, – только пришлите ко мне связного.

Евгений отсылает в штаб донесение с координатами немецких дзотов.

Ребята спят восемнадцать часов без просыпу. Они не слышат, как над горами пролетела шестерка бомбардировщиков с красными звездами на крыльях. Они не слышат тяжелого грохота взрывов. Но, когда они просыпаются, перед каждым из них лежит маленькая бумажка – только что принятая радиограмма: «Указанные вами немецкие дзоты наша авиация разбомбила – их больше не существует. Примите глубокую благодарность от командования Красной армии».

РАЗВЕДКА «МАЛЫШЕЙ»

Мои сыновья заключили между собой договор: Евгений обязуется брать Геню в самые опасные, самые рискованные операции. Но Гене этого мало. Сплошь и рядом на собственный страх и риск он действует один, без брата. Его постоянный спутник – закадычный друг и ровесник Павлик Худоерко. Иногда они берут с собой таких же «малышей» из соседних партизанских отрядов.

Геня любит разведку. Частенько уходит он с ребятами в станицы, занятые немцами, сует нос в самое пекло, не раз попадает в сложные переделки, но всегда выходит из них удачно и приносит в лагерь ценные сведения.

Гене разведка дается легко: к этому оборванному, чумазому пастушонку обычно не пристают фашистские патрули, на хуторах его приветливо встречают сердобольные женщины, и всюду находятся у него друзья среди ребятешек.

Сначала горячо поспорив о голубях и рыбной ловле, он посылает ребят подслушать разговор у комендатуры, обегать все дворы и подсчитать машины. Потом вместе с

ними разбрасывает листовки, выкрадывает свежие немецкие газеты, относит «Правду» подпольщикам.

Помню, однажды Геня собрался в разведку. А разведка ответственная: немцы стягивают крупные силы в Георгие-Афипскую, готовят переброску их к Новороссийску и зорко следят за всеми, кто появляется в станице.

Маскарад длится довольно долго. Надо одеться деревенским парнишкой, раздобыть сумку, с которой обычно ходят пастухи, взять лопоту кукурузного хлеба, несколько луковиц и так хитро запрятать револьвер, чтобы его не нашли при обыске.

С Теней идут его друзья – ребята из соседних партизанских отрядов.

Как всегда, из лагеря выходят ночью. Идти по шоссе опасно, и они отправляются по проселочной дороге, что ведет с предгорий на равнину.

На рассвете подходят к хутору Рашпилев. Их останавливает румынский патруль.

Обыск. Геня нервничает. У него в одежде спрятан револьвер, маленький бельгийский браунинг. Геня нашел его еще в Краснодаре в куче железного хлама, два месяца возился с ним, где-то раздобыл патроны и теперь гордится своим револьвером, который действительно бьет неплохо.

Обыск проходит благополучно. Начинается допрос. Допрашивает румын, сносно говорящий по-русски.

– Куда идете?

– Мы из Ново-Алексеевки. Гоняли туда скот по приказу господина коменданта.

– Кто такие?

Ребята, перебивая друг друга, называют фамилии и даже смешные прозвища станичников Георгие-Афипской, уверенно описывают дома, вспоминают ребятишек и обрушивают на румын такую грудю мелочей и подробностей, что начальник патруля, махнув рукой, приказывает пропустить их.

В Георгие-Афипскую входят осторожно, стараясь не попасться на глаза полицейским, и пробираются к друзьям.

К вечеру все выяснено: какие части прибыли в станицу, сколько танков, машин, пулеметов, какие калибры орудий, где расположен склад боеприпасов. Геня даже заходит на железнодорожную станцию и бродит по путям, наблюдая, как грузятся составы.

Из станицы выходят в сумерки. Идут тихо, чутко прислушиваясь к каждому шороху. У табачного сарая под Смоленской раздается громкий оклик:

– Стой!

Ребята шарахаются в сторону. Но уже поздно: два полицейских, лежащих в засаде, направляют на них дула винтовок.

– Кто такие? Откуда? Почему шляетесь по ночам? Зачем уздечки?

Ребята пытаются вывернуться: у них-де пропали лошади, лошади эти немецкие, они искали их всю ночь, не нашли, а теперь боятся идти домой – без коней в станицу возвращаться не велено.

Полицейских это не убеждает:

– Руки вверх!

Геня, незаметно зажав в правой руке свой маленький револьвер, подходит первым. Резко опускает руку и в упор бьет из браунинга в полицейских.

Ребята отбирают у них оружие и бросаются в кусты.

В станице поднимается тревога. Стреляют часовые, у околицы бьет дежурный пулемет. Пули свистят над головами, а ребята несутся стрелой, падают, поднимаются, снова падают и снова бегут цепочкой, стараясь в темноте не потерять друг друга.

Розовеет восток. Из предутреннего тумана вырисовываются кусты, станица, далекие горы.

Погоня настигает. Геня резко поворачивает влево, к Афипсу. Немцы теряют из виду ребят, но не надолго. Пули снова свистят над головами беглецов.

С разбегу ребята бросаются в реку. После недавних дождей Афипс ревет и клокочет, несет с собой коряги и камни, кружит в водоворотах.

Ребята плывут саженками. В кровь сбивая ноги об острые края коряг, вылезают на противоположный берег и ныряют в кусты. Вслед им несутся автоматные очереди.

Низко пригнувшись к земле, Геня пробирается сквозь густой прибрежный ивняк и уверенно ведет ребят к далекому темному лесу.

Поднимается солнце. Тают туманы. Где-то далеко впереди сияют снеговые вершины.

Выстрелы смолкают: немцы не решаются вплавь переправиться через бурный Афипс и уходят в станицу.

Ребята снимают и сушат мокрую одежду и кружным путем к вечеру возвращаются в лагерь...

– Как дела, пастухи? – спрашиваю ребяташек.

– В станице около четырехсот автоматчиков. Два танка. Сорок автомашин. У нас потерь не было, противник потерял двоих убитыми.

Вот эти-то слова и сказал мне Геня, вернувшись с разведки. Больше ничего. Подробности же я узнал уже много времени спустя, и то случайно – из рассказа одного из приятелей Гени.

СУМАСШЕДШАЯ ТАНКЕТКА

Геня верен себе.

Еще в Краснодаре он мечтал о собственной боевой машине. И теперь, в какую бы операцию он ни ходил, в каком бы деле ни участвовал, он по-прежнему мечтает все о том же.

Наконец его желание сбылось: боевая машина уже была в его руках. Он сам вел ее. Он сам бил из нее немцев. Но это счастье длилось недолго.

Все началось с горы Вышки.

Эту гору мы ненавидели.

Каждое утро, на заре, на ее вершину, поднимались немецкие наблюдатели. Оттуда им было видно буквально все – поляны, предгорья, дороги, кусты. И стоило нам появиться на глухой, казалось бы, неприметной кабаньей тропе, как по сигналу с Вышки начинали бить немецкие минометы и машины с автоматчиками мчались из ближайшей станицы.

Гора Вышка была для нас бельмом на глазу, и Евгений решил навестить ее.

Взяв Геню, двух снайперов, стрелковое прикрытие и захватив на всякий случай ручной пулемет, Евгений ночью отправился «в гости».

К Вышке подошли до рассвета и залегли в кустах.

На востоке побелел горизонт. Поднялся и растаял туман. За горой показалось солнце.

В бинокль отчетливо видно, как по тропе к Вышке идет группа фашистских наблюдателей. Они подходят к подножью горы и скрываются в дзоте.

Братья лежат тихо, внимательно наблюдая в бинокль.

Из дзота выходит немец. Спокойно, не спеша поднимается по лестнице и, остановившись на краю площадки, потягивается, зевает.

Евгений передает бинокль Гене и берет снайперскую винтовку.

Выстрел.

Растопырив руки, болтая в воздухе ногами, наблюдатель сползает вниз по лестнице. К нему бросается его напарник и, сраженный новым выстрелом, падает рядом. Такая же участь постигает и остальных немцев из дзота.

Евгений ждет.

Проходит час. Встревоженные молчанием Вышки, немцы посылают связных.

Низко пригибаясь к земле, трусливо озираясь по сторонам, фашисты осторожно поднимаются по тропе на гору. Но никто из них не возвращается обратно.

Евгений по-прежнему ждет.

Из станицы выезжают машины. Они битком набиты автоматчиками. Одна из машин случайно натывается на стрелковое прикрытие партизан и открывает огонь. В ответ из кустов бьет в упор пулемет Евгения. Машина круто поворачивает и уходит в станицу. На дороге остаются трупы фашистов.

Вдали раздается лязг гусениц – это фашистская танкетка идет в атаку на партизан.

Евгений, оставив прикрытие в кустах, быстро ползет с Геней туда, где дорога делает крутой поворот.

Танкетка подходит все ближе и ближе. В окуляр винтовки на секунду йот дает смотровая щель водителя. Евгений спускает курок. Танкетка вздрагивает, теряет управление, на повороте сходит с дороги, ударяется о дерево и останавливается.

Тишина.

Медленно поднимается стальной колпак. Над люком испуганное лицо пулеметчика. Геня бьет из карабина. Стальной колпак с шумом захлопывается.

И снова тишина.

Братья, подождав в кустах, подбегают к танкетке, и, порядком повозившись, открывают, наконец, колпаки. Каждый вытаскивает «своего». Водителю пуля угодила в переносицу.

Геня ныряет в люк. На месте водителя он чувствует себя как дома. Здесь всё точь-в-точь так, как сказано в справочнике из отцовской библиотеки и как видел он на танкодроме в Краснодаре.

Геня пробует мотор, рычаги – все в порядке.

Наконец, сбылась его заветная мечта: у него настоящая боевая машина!

Геня не в силах ждать.

– Женя, можно сейчас туда... в Смоленскую?

Евгений решается: оттаскивает мертвых немцев в кусты, залезает в люк, проверяет пулемет, и танкетка, с трудом выбравшись на дорогу, полным ходом идет в станицу, занятую немцами, благополучно минует заставу и останавливается у крыльца штаба.

Геня дает продолжительный гудок. Из дверей выскакивают немецкие офицеры. Геня медлит несколько секунд – пусть побольше соберется фрицев! – потом открывает люк, встает во весь рост и, что-то крикнув по-немецки, снова быстро садится на свое место водителя и резко бросает танкетку в толпу.

С минуту длится избиение немцев у крыльца их штаба: танкетка давит своими гусеницами растерявшихся фашистов, бьет, не умолкая, пулемет Евгения. Но из окна уже летит первая граната. За ней вторая, третья, четвертая... Пули цокают о броню танкетки.

Евгений переносит огонь на окна.

– Геня, полный вперед!

Танкетка мчится по улицам. Уже видна околица. Сейчас Геня вырвется из станицы на дорогу, в кусты, а там ищи ветра в поле! Но из заставы длинной очередью ударяет тяжелый немецкий пулемет.

Бронебойная пуля поражает бак. Танкетка вспыхивает. От едкого дыма перехватывает дыхание. Загорается одежда. Но Геня не может расстаться с танкеткой. Он увеличивает скорость до предела: быть может, ветер собьет огонь.

Пламя вспыхивает еще ярче.

– Стой, Геня! – приказывает Евгений.

За околицей братья быстро открывают люки. Они катаются по земле – тушат горящую одежду.

– Скорей, Геня! Скорей! – торопит Евгений.

Но Геня медлит. Он оглядывается назад. На дороге пылает его танкетка, его заветная боевая машина...

Через час им одним знакомыми тропами братья приходят в условленное место, где еще ночью был намечен сбор.

Рассказывать некогда. Партизаны быстро идут в горы. А за ними в кустах – там, где еще недавно лежала партизанская засада и валяются на дороге трупы немецких автоматчиков, – воют и рвутся фашистские мины.

ПОЕДИНОК С ТАНКОМ

Для Евгения случай с танкеткой – только случай: не для этого пришел он в горы. Старший сын мечтает о крупных операциях. Он инженер, человек точной профессии. Он ценит время, он умеет пользоваться им, и наши боевые операции проходят вместе с разведкой и организацией нашего партизанского хозяйства.

Восьмого августа мы покинули горящий Краснодар. 20 августа уже проходит наша первая операция. 25 августа – вторая, через пять дней – третья. Так по строгому, непреложному плану, выработанному Евгением, идет наша боевая работа.

Мы громим немецкую пехоту, мотоциклетные и автомобильные колонны, сжигаем танки. На нашем счету уже сотни убитых фрицев, десятки разбитых и сожженных машин.

Это было 13 сентября 1942 года.

Геня и Павлик лежали в дозоре.

Ночь.

Густые кленовые ветви покрыли мальчиков своим зеленым пологом. Ветер шумит верхушками деревьев. Журчит вода в далеком ручье. По ту сторону дороги протяжно и заунывно крикнула ночная птица. И снова тихо. Лишь в придорожных кустах возникают и опять замирают неясные лесные шорохи.

Хочется встать, потянуться, размять онемевшие ноги, завернуться в плащ и уснуть. Но спать нельзя – надо лежать, смотреть и слушать...

Позади остался тяжелый переход по лесным тропам, по крутым склонам, через бурные своевольные горные реки.

Ночью пришли сюда, к месту диверсии. На дороге заложили мины, выставили дозоры. В соседних кустах залегла группа прикрытия.

Проснулась какая-то пичужка, пересела на соседнюю ветку, повозилась и затихла. Ежик деловито пробежал под ветвями, наткнулся на Павлика, сердито чуфыркнул и отскочил в сторону. Треснула ветка, донесся приглушенный шёпот – это Евгений проверяет караулы. Где-то далеко – так далеко, что не разберешь по звуку, свои или чужие, – прогудели самолеты. И опять тихо...

Томительно тянутся долгие часы. Рассвело. Ослепительно ярким золото-розовым шаром поднялось солнце из-за гор. Туман рассеялся, уплыл куда-то в сторону. Блестит роса на траве. В лесу весело щебечут птицы – встречают новый день и оживленно, взволнованно обсуждают появление незваных гостей.

Неожиданно в птичий гомон врывается новый звук. Он еле слышен. Трудно разобрать, что это. Может быть, лошадиный топот?

Геня слушает.

Нет, это моторы гудят. Далеко-далеко. Но не поймешь сразу – в воздухе ли, над горами или по дороге, от Ново-Дмитровской.

Гул становится все явственнее.

– Павлик, беги к Евгению, – шепчет Геня. – Танки подходят к Афипису.

Евгений сидит на дереве. Оттуда в артиллерийский бинокль вся дорога видна как на ладони.

– Янукевич, будить всех! Приготовиться к бою!

Сжимая в руках гранаты, люди замирают в придорожных кустах. Уже четко слышен ляг танковых гусениц и рокот тяжелых машин.

Вдруг пулеметная очередь разрывает тишину. Глухо ухаёт пушка. Пролетает снаряд, срезает ветви и в щепы разбивает стволы деревьев. Кажется, немцы нащупали партизан и сейчас обрушат на них огонь своих пулеметов. Но Евгений знает: это фашистская колонна вошла в лес и для верности бьет по кустам.

– Подтянуть дозоры к группе, – спокойно приказывает он.

Впереди, как всегда, проносится мимо немецкий танк. За ним в облаках желтой пыли идет тяжелая машина с автоматчиками. Стоя в кузове вплотную друг к другу, они бьют по кустам бессмысленно, глупо, без цели. А дальше еще и еще машины – с боеприпасами, автоматчиками, продовольствием.

Как бесконечно медленно тянутся секунды! Кажется, танк уже давно прошел то место, где ночью были заложены мины...

Неожиданно, хотя этого ждут каждую секунду, взрыв потрясает землю. Это там, впереди, взорвался наконец головной танк.

А середина колонны еще несется дальше. Перед засадой вырастает второй танк. Евгений, чуть приподнявшись, швыряет в него гранату и снова припадает к земле. Пытаясь развернуться, танк с разбитой гусеницей оседает в канаву, загорая дорога. На него с ходу насккивает ближайшая машина и вспыхивает ярким пламенем,

Летят бутылки с горючим, рвутся гранаты, не умолкая бьет наш пулемет.

На дороге мечутся тяжелые машины, давя колесами раненых немцев. Они ищут выхода из огненного кольца. Но выхода нет. Всюду гранаты, взрывы, столбы огня и меткие пули партизанских карабинов...

В шум боя врывается новый звук. Фашистский танк, шедший в хвосте колонны, идет теперь по кустам в тыл партизанам. С каждой минутой он набирает скорость,

легко ломая и подминая под себя молодые деревья. Сейчас он прорвется через ольшаник и гусеницами раздавит горсточку людей.

Наперерез танку бросается Геня. Он бежит в открытую, не сгибаясь, не прячась.

Фашисты замечают его. Танк посылает короткие пулеметные очереди. Но пули летят мимо: продираясь сквозь молодой лесок, танк на буграх кренится из стороны в сторону.

Геня бежит. Он уже около танка.

Не спеша, как на ученье, Геня закосит руку назад, швыряет противотанковую гранату и быстро прячется за дерево. Машина останавливается, резко оборвав огонь.

Геня ждет.

Проходят секунды, и танк оживает. Дуло пулемета опять поворачивается в ту сторону, где стоит Геня.

Кошкой бросается Павлик к другу и, рванув его за руку, падает с ним на землю.

Первая очередь проносится мимо.

Уловив перерыв в очередях, Павлик швыряет гранату под башню с пулеметами. Танк затихает.

А по лесу один за другим уже несутся сигналы отхода – резкие, отрывистые свистки Евгения. Подошла вторая фашистская мотоколонна, и немцы, охватывая место боя огромным полукругом, пытаются сжать партизан в кольцо. Но уже вступает в бой группа прикрытия, в лесу рвутся гранаты, и наши стрелки сдерживают немецких автоматчиков.

Основная группа нападения выходит из кольца. И снова цепочкой быстро идут партизаны по кабаньим тропам, переходят вброд извилистые, капризные реки, поднимаются на горы, спускаются с крутых обрывов.

Отряд возвращается на стоянку под Крепостной. Геня с трудом снимает плащ. Плащ весь в крови. Елена Ивановна бросается к сыну: вдоль плеча рана, неумело перевязанная бинтом...

Геня был ранен еще до его схватки с танком. Наскоро перевязав себя, он бросился в бой. Потом начался отход. Рана кровоточила. Мучительно болело плечо. Кружилась голова от потери крови. Но Геня никому не сказал о своей ране: сзади били фашистские пулеметы, и возня с ним могла бы задержать товарищей. Геня, стиснув зубы, шел наравне с другими, переходил реки, карабкался на кручи. И только тут, на стоянке, почувствовал, что силы иссякли...

Я рассказываю все это не для того, чтобы показать, каким героем был мой сын. Откровенно говоря, его поступок никого из нас не удивил: в нашем отряде свято соблюдалось партизанское правило – нигде, никогда, ни при каких обстоятельствах не обременять товарищей и ни в коем случае не мешать друзьям быстро и точно проводить операцию.

Геня выполнил это правило. Вот и все.

ОХОТНИКИ ЗА КОРОВАМИ

Нам не хватало стада, нашего собственного партизанского стада, чтобы иметь вдоволь молока, масла и заготавливать мясо.

Своего стада, конечно, в Краснодаре у нас не было. Коров, уцелевших кое-где у населения, мы трогать не можем. Остаются стада, награбленные фашистами. Но «своих» коров немцы берегут зорко. Значит, надо перехитрить немцев и в крайнем случае отобрать коров силой.

Кликнули клич. Отозвались Геня и Павлик.

На рассвете, захватив с собой двух разведчиков, «охотники за коровами» верхами отправляются искать наше будущее стадо.

Старшим на этой «охоте» назначен Павлик.

Выбравшись из лагеря, ребята едут, минуя дороги, прячась по кустам и рощам. Не раз встречаются небольшие стада, принадлежащие местным жителям, и, поговорив с пастухами, едут дальше.

Во второй половине дня на проселочной дороге, между хуторами Консуловом и Шабановом, появляется облачко пыли.

Хоронясь в кустах, ребята подъезжают ближе: десяток немцев гонит около двухсот коров в станицу Смоленскую. Коровы откормленные, породистые. Невозможно упустить такую добычу!

– За мной! – приказывает Павлик.

И четверо всадников, стреляя на скаку, вихрем вырываются на дорогу.

Они обрушиваются на немцев, как гром с ясного неба. Здесь, среди хуторов, занятых сильными гарнизонами, фашисты чувствуют себя в полной безопасности. Тем более в этот яркий солнечный день.

Половина фашистов сразу же бросаются наутек. Но пятеро, вскинув карабины, почти в упор бьют по всадникам.

Жужжа над головами, пули пролетают мимо. Очевидно, от испуга у немцев дрожат руки.

Схватка длится короткие минуты. На пыльной дороге лежат пять немецких трупов. Но стадо исчезло: коровы разбежались и сейчас испуганно мычат в соседней роще.

Надо их собрать в кучу и гнать к горам. Дорога каждая минута: из ближайшей станицы обязательно выскочит погоня и тогда коровам уже те пастись в партизанском стаде.

Павлик приказывает двум партизанам гнать основную часть стада в сторону, противоположную горам, сделать громадный крюк и вывести коров к Крымской Поляне, что лежит в предгорьях, недалеко от лагеря, сам же вместе с Теней, прихватив для отвода глаз десятка два коров, открыто гонит их к горам.

Теперь ребята не пытаются скрываться. Наоборот, они едут в открытую, стараясь поднять как можно больше шума и пыли – только бы их заметила погоня, только бы оставила в покое основное стадо.

Фашисты на этот раз легко попадают на удочку. Немецкие конники, вырвавшись на рысях из станицы, бросаются за Павликом.

Друзья гонят несчастных коров вскачь – все дальше и дальше от стада. Но погоня настигает. Ребята, метнувшись в кусты, исчезают в ольшанике...

Явившись ко мне, Павлик коротко рапортует:

– Задание выполнено: сто сорок голов скота пасутся на Крымской Поляне.

ПОХИЩЕНИЕ ЛУСТЫ

Стоит один из тех ясных ласковых дней, когда суровая дождливая осень еще не вступила в свои права, но солнце уже не печет, как прежде, а небо по-летнему высокое и голубое.

Далеко за полдень. Мы с Евгением сидим в столовой лагеря.

Телефонный звонок.

– Говорит застава... С Леонидом Федоровичем Лустой несчастье... Сейчас у вас будет пастух, он все расскажет.

К столовой подбегает Припутнев:

– Батя, Лусту украли... Мы пасли скот. Ночью напали неизвестные. Человек пятнадцать. Мы с Власовым отстреливались, пока были патроны. Потом, спрятались в стог сена. Грабители схватили Лусту – он стоял в карауле – и вместе с ним увели девять коров. Что за люди, в темноте не разобрали. На рассвете мы перегнали скот на базу соседнего отряда, а я поспешил сюда.

– Геня, Мусьяченко, Павлик – по коням! – приказываю я. – Александру Дмитриевичу Куцу взять трех бойцов и догонять.

Быстрым аллюром лошади выносят нас по лесной дороге из лагеря. Впереди Мусьяченко – он лучше всех знает дорогу, – за ним Геня, за Геней я, сзади нас прикрывает Павлик.

Извиваясь, дорога тянется между купами деревьев и отвесными, обрывистыми скалами. Рядом течет Афипс.

У Малых Волчьих Ворот попадаем в большую воду. Убавив рысь, вытянув вперед шею, спотыкаясь о скользкие камни на дне, кони выносят нас на высокий, обрывистый берег.

– Стой, ребята! Что за спешка?

Из кустов выходят моряки в тельняшках. Это четверо наших друзей, матросы-партизаны соседнего архипо-осиповского отряда, возвращаются из глубокой разведки.

– Мы с вами, – заявляют моряки, узнав о похищении Дусты. – Любопытно узнать, кто это добрых людей по ночам крадет. Но пеший конному не товарищ. Мы пойдем напрямик, авось не опоздаем. До встречи!

Снова широкой рысью мчатся кони. Уже осталось позади древнее- черкесское кладбище, смешанный лес, и перед нами – Большие Волчьи Ворота.

Будто сказочный великан громадным мечом рассек надвое гору. В темном ущелье ревет Афипс. Узкая тропа – на ней не разъехаться двум всадникам – тесно жметя к отвесной скале. Над головой висят каменные глыбы.

За Волчьими Воротами густой темный лес. Я никогда не видел таких деревьев-великанов: строевые корабельные сосны нашей Центральной России рядом с ними кажутся мелкой порослью.

Дорога становится все круче. Усталые лошади идут шагом. Спешиваемся и ведем лошадей под уздцы.

Спускаются сумерки. А тропа все круче, все извилистее.

Неожиданно из кустов прямо на нас выскакивают злые лохматые кавказские овчарки: мы добрались, наконец, до пастбища соседнего партизанского отряда.

Наскоро выпив по кружке горячего чая, закусив ломтями кукурузного хлеба, снова уходим в темноту.

Ночь безлунна. Не видно даже крупа лошади, идущей в двух шагах передо мной. Под ногами рытвины, ямы, камни, стволы упавших деревьев.

Переваливаем через гору Афипс. Начинается спуск. Идем медленно, держа лошадей под уздцы.

Перед нами крутой, почти отвесный обрыв. Под ним наше пастбище, где прошлой ночью похитили Лусту. Но в эту кромешную тьму спускаться немислимо.

Решаем заночевать. Ложимся тут же, на земле, подстелив одеяла. Выставляем караул.

Меня будит Геня:

– Папа, вставай, светает...

Осторожно спускаемся с обрыва.

Наконец мы на месте происшествия. Ясно видна помятая трава. Но крови нет: Лусту взяли живым.

Внимательно рассматриваем следы. Их много на траве, на песке, на влажной глине у ручейка – отчетливые, ясные отпечатки подошв, подбитых гвоздями с широкой шляпкой.

– Немцы, – уверенно говорит Мусьяченко.

У ручья следы исчезают. Будто здесь грабители поднялись на воздух, захватив с собой и Лусту, и коров!

Снова лазаем по кустам, вдоль ручья, у обрыва – ничего. Но Мусьяченко не отчаивается:

– Найдем. Быть того не может, чтобы следов на земле не оставили.

Поиски длятся добрых полчаса. Геня нервничает:

– Папа, они никуда не ушли. Они где-то здесь, в кустах.

С обрыва скатывается камень. За ним второй, третий.

Мы быстро ложимся в густую, высокую траву. Неужели Геня прав и грабители тут, рядом?

Но сверху раздается знакомый треск цикады: это наши дают знать о себе. И через несколько минут на поляну спускаются четверо моряков и трое партизан во главе с Куцем.

Они встретились за Большими Волчьими Воротами. Наши ехали верхом. Моряки, положив на лошадей оружие и заплечные мешки, бежали рядом, держась за стремяна.

Снова начинаются поиски следов. И снова никакого результата.

– Нашел! – кричит, наконец, Мусьяченко.

Он стоит на берегу ручья. У его ног еле заметные следы. Он смотрит на них и говорит уверенно, будто читает раскрытую книгу:

– Войдя в ручей, грабители долго шли по воде, чтобы сбить нас с толку. Здесь они вышли на берег. Их примерно человек пятнадцать-семнадцать. Ходить по-партизански – след в след – не умеют. Среди них идет Луста – вот отпечаток его сапог. Ступает уверенно и твердо – не ранен, значит, наш Леонид Федорович.

– Ну, теперь все в порядке! – радуется Геня.

– Не очень. Эта тропа идет к Холодной Щели. Если они доберутся до нее, их оттуда не выкуришь.

Решаем: моряки идут по следам; Куц во главе трех партизан сворачивает влево, чтобы закрыть дорогу грабителям в Улановку; моя группа, справа огибая тропу, должна опередить врагов и закупорить вход в Холодную Щель.

ХОЛОДНАЯ ЩЕЛЬ

Застоявшиеся кони берут с места быстрым наметом. Узкая тропка, то взбираясь на холмы, то круто спускаясь, вьется между деревьями; временами она огибает скалы.

Мчимся уже около двух часов. Моя рыжая лошаденка вся потемнела от пота и тяжело дышит.

Мы вырываемся наконец на открытую поляну, со всех сторон окаймленную кустами. Вдали перед нами узкий вход в ущелье, заросший орешником.

– Холодная Щель! – кричит Мусьяченко.

Мы мчимся через поляну. Я вижу, как Геня на полном скаку придерживает лошадь, внимательно всматриваясь во что-то темное на тропе: на желтом песке в открытой кобуре лежит револьвер.

– Вперед, Геня! Вперед!.. Ловушка!

Геня резко бросает коня в сторону.

Слева из кустов грохают выстрелы. Пули жужжат над головой.

Мы карьером несемся вперед. Пули по-прежнему жужжат. Враги явно бьют по всадникам – им нужны наши кони.

В орешнике, у входа в Холодную Щель, соскакиваем на землю и кладем лошадей. Умные кони замирают, вытянув ноги и спрятав головы за камни. Мы ложимся за лошадьми и по очереди бьем по вспышкам выстрелов в темных кустах на той стороне поляны.

Перестрелка длится минут пятнадцать.

Слева вспыхивает частая ружейная стрельба. Это подошла группа Куца и, решив, очевидно, что мы попали в беду, ринулась в атаку.

Огонь становится все яростнее. Под защитой кустов враги подползают к нам все ближе и ближе. Силы слишком неравны, чтобы принимать открытый бой. Надо попробовать перехитрить грабителей. И я приказываю своим «умирать» по очереди.

Первым прекращает стрельбу Павлик. Его «труп» лежит за брюхом лошади. Но его трофейный автомат по-прежнему обращен в сторону врага, палец на курке, и Павлик не спускает глаз с кустов.

Вторым «умирает» Мусьяченко, за ним Геня, и, наконец, «умираю» я.

Враги бьют несколько минут. Мы молчим.

Из-за кустов выглядывают два немца и тотчас же исчезают. Потом снова вылезают и медленно идут к нам, временами укрываясь за камнями.

Мы по-прежнему лежим неподвижно. Только моя рыжая лошадь дрожит мелкой дрожью.

Немцы приближаются. Между нами всего лишь пятьдесят метров. Павлик еле заметным движением пододвигает к себе автомат. Взглядом я приказываю ему замереть.

В кусках гремят новые выстрелы и раздается громкое «ура»: это вступают в бой моряки.

Немцы испуганно прячутся за камни. Петом один из них приподнимается, внимательно оглядывает наши «трупы» и кричит своим:

– Abgemacht! Alls sind tot. Vorwarte!

Отстреливаясь, немцы выскакивают из кустов. За ними бегут матросы. Левее, наперерез немцам, спешит группа Куца.

Мы попадаем в тяжелое положение. Стрелять нельзя – можно поразить своих. Лежать «трупам» и пропустить врагов в Холодную Щель – бессмысленно.

Не сговариваясь, Геня с Павликом поднимаются во весь рост и бросаются навстречу немцам.

– Ложись! – кричит Павлик, широко размахнувшись гранатой.

Увидев сживших мертвецов, немцы, на несколько секунд замирают. Они стоят, тесно сбившись в кучу.

В их гуще рвется граната Павлика. За ней летит граната Гени. Третьей рвется «лимонка» Мусьяченко. Последней летит моя граната.

Уцелевшие немцы бросаются к кустам. Геня и Павлик, припав на колена, бьют по ним из карабина и автомата.

Только четверем немцам удается спрятаться в кустах. Но матросы, выхватив ножи, уже бегут за ними...

Мусяченко почти не ошибся, когда считал следы у ручья: их было шестнадцать – двое предателей и четырнадцать матерых фашистов-диверсантов. Судя по найденным у них документам, они пришли в предгорья, чтобы из-за угла перебить командование наших партизанских отрядов.

Очевидно, они хотели остаться в горах надолго и решили обзавестись своим стадом. Поэтому и навестили наше пастбище. Лусту же, надо думать, захватили как «языка», надеясь получить от него нужные сведения...

Но где же Луста?

Мы внимательно осматриваем кусты, мы лазаем по окрестным скалам, мы находим наших коров – испугавшись выстрелов, они разбрелись по кустам, – но Лусты нет. И спросить о нем не у кого: моряки перестарались и не оставили в живых ни одного диверсанта.

Мы собираемся в обратный путь. Здесь, у Холодной Щели, остаются Павлик и Геня: они должны обшарить каждый кустик, но Лусту обязательно найти.

Цепочкой пересекаем поляну. И вдруг справа, у скалы, появляется фигура.

– Леонид Федорович! – кричит Геня.

Молодёжь бросается к Лусте. Он спускается к нам, тяжело опиваясь на плечо Павлика.

Оказывается, немцы учинили ему допрос, старались выпытать сведения о партизанах, но ничего не добились и отложили разговор до следующего раза. А тут разгорелась схватка, немцам стало не до него, и ему удалось отползти в кусты, перетереть об острый камень ремни, связывавшие руки, освободить ноги и спрятаться в глухой расщелине. Здесь он потерял сознание. Когда пришел в себя, услышал на поляне знакомые голоса...

МАСКАРАД С ОБЕР-ФЕЛЬДФЕБЕЛЕМ

Хотя трофейного немецкого танка Геня раздобыть не смог, но у него был его грузовик, пришедший из Краснодара, и Геня всю любовь свою к механике перенес на полуторатонку.

Во время тяжелых горных переходов машина поистрепалась. Грузовик требовал почти капитального ремонта. Этим и занялись Геня с Павликом. В летнем лагере они двое суток не отходили от машины – разбирали, стучали молотками, что-то подвинчивали, смазывали и горячо спорили друг с другом. В короткие минуты отдыха о чем-то шептались.

На третьи сутки Геня доложил дежурному по лагерю Ельникову (нас с Евгением в этот день не было на горе Стрепет), что машина готова и ее надо немедленно проверить на ходу.

Ельников дал разрешение неохотно – у нас было плохо с горючим. Строго-настрого он приказал Гене не увлекаться и как можно скорее пригнать машину обратно.

– Я только до Планческой, – уверял Геня. – Кстати, прихватчу с собой Павлика: Женя приказал ему взять немецкого обер-фельдфебеля, пойманного Литвиновым, и перебросить его через линию фронта.

Машина шла прекрасно. Мотор работал безукоризненно. Добрую половину дороги за баранкой сидел Павлик: Геня решил сделать его своим заместителем.

На Планческой Павлик предъявил коменданту нашей базы приказ Евгения о выдаче ему обер-фельдфебеля. Решили, что Геня подвезет Павлика с пленным до Крымской Поляны, а оттуда уже один возвратится на машине в лагерь.

До Крымской Поляны доехали благополучно.

Выбрав укромное место, Геня остановил машину, весело переглянулся с Павликом и предложил немцу:

– Steigen Sie aus. Es ist Zeit Toilette zu machen!

Немец вышел. Геня крепко связал ему руки и, вынув из рюкзака вату и широкий бинт (все это под каким-то благовидным предлогом было заблаговременно выпрошено у Елены Ивановны), начал перевязывать голову немца. Обмотал и руки – так, чтобы не было видно веревок.

Через несколько минут маскарад был закончен. Геня добросовестно забинтовал всю обер-фельдфебельскую голову, нахлобучил на немца пилотку и отошел в сторону полюбоваться на дело рук своих. Потом объявил немцу, что его переправят через линию фронта и сохранят жизнь. Но что бы ни случилось в дороге, он должен молчать, как мертвый. Иначе первая пуля – ему. Для большей убедительности Геня показал немцу револьвер.

Обер-фельдфебель, испуганно косясь на черное дуло, утвердительно закивал головой и пытался что-то сказать. Но его челюсти были так крепко стянуты, что раздалось лишь глухое мычание.

– Wunderschon! – улыбнулся Геня и, открыв дверь кабины, вежливо пригласил: – Bitte, nehmen Sie Platz.

Машина тронулась. Вечерело. На фоне закатного неба темным силуэтом стояли горные вершины. Неожиданно сзади раздался шум нагоняющей автомобильной колонны. Уходить было поздно, да и некуда. Геня затормозил. К машине подошел немецкий ефрейтор, начальник колонны. Он решил справиться, что за люди едут на грузовике, и для верности вынул револьвер из кобуры. Но, увидев забинтованного обер-фельдфебеля, успокоился и спрятал револьвер.

Геня объяснил по-немецки, что везет раненого в госпиталь. Господин обер-фельдфебель пострадал во время пожара, когда русские бомбили станицу, рана серьезная, и врач просил его не беспокоить.

Начальник колонны внимательно оглядел ребят. На них были замасленные комбинезоны и безрукавки из овчины, какие носили и наши и немецкие механики. Раненый сидел спокойно. Ефрейтор не нашел ничего подозрительного и приказал колонне двигаться дальше.

Геня не стал долго раздумывать и пристроился к хвосту колонны.

Через несколько минут его опытный слух уловил перебои в моторе одной из фашистских машин.

Машина остановилась. Колонна продолжала двигаться и скоро исчезла за поворотом.

– Приготовь гранаты, – шепнул Павлик.

У испорченной машины возились два фашиста. В кузове лежали какие-то бочки.

– Горючее! – обрадовался Геня.

– Тот, что справа, – мой, – шёпотом ответил Павлик. – А ты займись левым: он потоньше...

– Ну, что у вас? – спросил Реня, подходя к машине.

Но, очевидно, от волнения он допустил какую-то грубую ошибку в немецком языке. А может быть, фашистам показался слишком подозрительным русский акцент. Во всяком случае, один из фашистов потянулся было к автомату.

Геня наотмашь ударил его по голове «лимонкой» без запала. То же проделал со вторым немцем Павлик. Оба фашиста упали замертво.

Когда на следующий день я пришел в лагерь, Ельников возмущенно доложил мне, что Гени до сих пор нет и что мальчики, очевидно, катаются, забыв о необходимости экономить горючее, которое у нас на исходе.

Примерно через час раздался знакомый гудок Гениной машины. Мы с Ельниковым вышли навстречу.

Первым ко мне подошел Павлик и протянул расписку в том, что пленный немецкий обер-фельдфебель доставлен по назначению.

Геня, стараясь сдержать улыбку, официально доложил:

– Машина опробована – она в полном порядке. По дороге случайно нашли горючее. Его хватит нам, по крайней мере, на год... Прикажете разгружать?..

«АФРИКАНСКИЕ ФАКТОРИИ»

Наша лесная жизнь окончательно наладилась. Кроме лагеря, мы в тылу у немцев организовали две «фактории»-стоянки: на Планческой и в хуторе Красном под Крепостной.

О них стоит рассказать подробно.

Дело в том, что идти без передышки из лагеря до места операции слишком утомительно. Поэтому мы оборудовали несколько промежуточных баз, или стоянок; здесь партизаны могут передохнуть, поесть, поспать, набраться сил.

Эти базы-стоянки в шутку назывались у нас «африканскими факториями».

Первая «фактория» раскинулась за рекой Афипс, у Планческой Щели, комендант ее – инженер Николай Николаевич Слащев. У него большое хозяйство.

Начать с того, что у Николая Николаевича отдельное стадо. Сбереечь его, когда вокруг шныряют немецкие диверсанты, совсем не просто.

Затем у Слащева большая сапожная мастерская. В ней не только производится ремонт обуви, но и шьются новые сапоги. И не только для нас, но и для соседних партизанских отрядов. Соседи приходят к нам на Планческую, точно в «Коопремонт»:

– Почините и нам, пожалуйста, ботинки!

Главным сапожником работает у Слащева бывший директор маргаринового завода в Краснодаре Яков Ильич Бибилов.

Пекарня Слащева снабжает нас хлебом. На его же обязанности лежит ремонт нашего транспорта и ковка лошадей. За шорника у него Александр Дмитриевич Куц, бывший инструментальщик на комбинате, а за коваля – инженер Павел Павлович Недрига.

Кроме всего этого, у Слащева минная мастерская; так же как и сапожная, она обслуживает и нас и соседей.

Одно время эта мастерская доставляла Николаю Николаевичу много забот: он никак не мог достать тонкой стальной проволоки для мин. Слащев ходил злой и мрачный.

Однажды, в один из моих визитов на Планческую, Слащев встретил меня веселый и возбужденный:

– Батя, у меня мыслишка одна возникла, Мы, кажется, скоро раздобудем эту проклятую проволоку. Причем не какую-нибудь, а первосортную и в любом количестве. Но это пока секрет: мой план может и не удался.

Через несколько дней Николай Николаевич прислал мне записку: «Батя! В двух километрах от Планческой открыл запасную кладовую материалов для мастерских факторий. В кладовой имеется достаточный запас тонкой стальной проволоки для мин. Качество вполне удовлетворительное. Слащев».

Оказывается, кладовая появилась не совсем обычно.

Николай Николаевич организовал охоту за немецкими самолетами, часто навещавшими Планческую. Ему повезло: немецкий разведчик был сбит ружейным огнем и упал недалеко от «фактории». Он-то и стал кладовой Слащева; время от времени к самолету приходили наши инженеры и снимали нужные им части

Свое большое и разнообразное хозяйство Николай Николаевич ведет безукоризненно. Он сам мастер на все руки: он может заменить любого и в сапожной и в минной мастерской. И однажды, когда неожиданно выяснилось, что стряпуха заболела, он сам приготовил обед, да такой, что все долго ломали голову: какой же сегодня праздник?

«Фактория» работает, как часовой механизм, несмотря на то что вокруг немцы, что по меньшей мере три раза в неделю ее навещают фашистские самолеты и сплошь и рядом Николаю Николаевичу приходится вылавливать в окрестностях «фактории» вражеских диверсантов.

Каждый вечер, когда все жители нашей «фактории» собираются на ужин, Николай Николаевич сообщает им свои «последние известия»: это распределение нарядов и ночных постов и караулов.

Не раз я слушал, эти «последние известия». Николай Николаевич не освобождал от ночного караула не только бойцов нашего отряда, мимоходом заглянувших на Планческую, но и гостей – партизан соседних отрядов, пришедших по делам в нашу «факторию». Никаких споров и пререканий не бывало. Все хорошо знали, что слово коменданта – закон.

Вторая «фактория» оборудована в хуторе Красном, под станицей Крепостной. В самом хуторе немцев нет. Но от хутора до населенных пунктов, в которых находятся немцы, рукой подать.

Эта «фактория» самая опасная. Партизаны там спят не раздеваясь. По ночам «факторию» охраняет усиленный караул. Да и днем народ настороже.

Комендантом здесь инженер Сафронов Владимир Николаевич. Он наладил выделку кожи, шьет полушубки, шапки, пробует даже валенки валять. Он же достает сено, овес, овощи и фрукты, правда большей частью дикие. У него иногда изготавливаются корпуса для мин. Здесь же склад тола.

На этой «фактории» мы проводим окончательную подготовку к диверсиям, довооружаемся взрывчаткой и патронами, запасаемся продуктами, особенно если выходим из лагеря пешком.

Здесь партизаны отдыхают после операции. И здесь же Елена Ивановна устроила настоящий лазарет, слава о котором уже гремит далеко по округе.

Жизнь на наших «факториях» хлопотливая и беспокойная. Нередко на подступах к ним разгораются горячие схватки. В особенности достается «фактории» на хуторе Красном. Даже самые закаленные партизаны стараются не засиживаться в гостях у Владимира Николаевича Сафронова.

Но Евгений не может отказаться от «факторий» – они нужны нам, как воздух. И он часто повторяет:

– Нет, до тех пор, пока нас силой не вышибут из наших факторий, я буду беречь их, как зеницу ока.

КРЕСТ ИЗ ЗАПОРОЖСКОЙ СЕЧИ

Евгений блестяще наладил агентурную разведку. Теперь действительно в каждом хуторе, в каждой станице у нас друзья. Это главным образом подростки. А недавно Евгений вернулся из разведки и положил передо мной старый массивный крест.

Серебро потускнело, и на перекладине отчетливо видна круглая вмятина, будто пуля на излете смяла серебро.

– Ну, папа, могу тебя поздравить: наших друзей прибывает. Вчера в Смоленской окликнул меня старый дед, седой как лунь, борода по пояс. Ввел меня в хату, снял с иконы этот крест и протянул мне:

«Знаю, парень, неверующий ты. Но слышал – крепко бьешься за свободу, за счастье, за волю казацкую, как бились деды наши в Запорожской Сечи. Бери, не брезгуй. Из Сечи пришел он на Кубань, добрые казаки ходили с ним в бой, и тот, кто нес его на груди, никогда не срамил в бою родной Кубани! Бери крест и помни, крепко помни, парень: если больше жизни, крепче отца с матерью, жарче зазнобы своей любишь ты волю, народ свой, землю свою родную, – сохранит этот крест тебя от измены, предательства, позорного плена. Бери – знаю, кому даю».

Я взял, папа: грех обидеть такого старика... Но это доверие обязывает. Мы уже достаточно сильны, пора переходить на железную дорогу – рвать поезда. Правда, мы могли бы и сейчас в любой момент взорвать поезд «веревочкой». как рвал Валентин в Белоруссии, но я мечтаю, чтобы в нас на Кубани первый фашистский поезд взлетел на партизанской, совершенной, автоматической мины. А устройство этой мины нам никак не дается. Но мы ее все-таки смастерим и будем рвать поезда...

И знаешь, папа, о чем я мечтаю? Здесь, в предгорьях, в нашей лесной глухомани, организовать минно-диверсионную школу. Соседние отряды пошлют в нее своих лучших, самых отважных партизан. Мы будем читать им лекции, мы проведем с ними учебную практику на специальном минодроме, мы возьмем их на наши очередные диверсии. Они вернуться в свои отряды опытными минерами. Мы вырастим наши «дочерние отряды». И на горных дорогах, в степных станицах, в лиманах взлетят на воздух немецкие поезда, запылают взорванные фашистские танки, рухнут мосты...

Начать обязаны мы, инженеры-партизаны. Это наш долг. И мы его выполним, клянусь тебе, папа! Дай только справиться с новой миной, и наперекор всему в тылу у немцев будет работать наш минный партизанский вуз.

ВЗРЫВ МОСТА

Получен секретный приказ: выйти в тыл станицы Смоленской, заминировать три моста, на обратном пути осмотреть мост на дороге Северская – Смоленская, минирование которого поручено нашим соседям-смольчанам, и провести разведку дороги до Георгие-Афипской.

Это наша первая крупная минно-диверсионная операция. Готовимся к ней без излишней спешки: тщательно разрабатываем маршрут, распределяем роли. Минирование поручено второму взводу под командованием Ветлугина. Первый взвод, во главе с Янукевичем, – в охране. Общее руководство операцией возложено на Евгения.

На рассвете отправляемся через Крепостную и Топчиеву Щель на гору Ламбина.

Путь тяжел. Лямки рюкзака режут плечи. Нагрузка солидная: продуктов на семь дней, запас патронов по сто двадцать штук на человека, гранаты, ящики с противотанковыми минами, винтовки, пулемет ППД с дисками и всякая мелочь – бинокли, ножи, фляги с водой.

Идем, как всегда, цепочкой, головную часть разведки ведет Евгений. В походе строго-настроено запрещено говорить даже шепотом.

Вначале идем густым лесом вдоль реки Афипс, потом по тропе, через глушняк. В сумерки выбираемся к пересохшему руслу какой-то речушки, находим поляну с большой лужей, ужинаем, не разводя огня, и по взводам располагаемся на ночевку.

На следующий день начинаем подъем на гору Ламбина. Идем Топчиевой Щелью – глубоким, метров в двести, ущельем, таким узким, что даже двум человекам в нем не разойтись. Перебираемся через огромные камни и овраги, ползем под стволами сваленных бурей деревьев. И все это – на крутом подъеме.

К концу пути многие шатаются, как пьяные.

С горы Ламбина спускаемся медленно: вокруг немцы и мы здесь впервые. Ориентируемся по карте и по компасу, изредка влезаем на деревья и проверяем направление.

Около трех часов дня подходим к мостам и ложимся в кусты: день для нашей работы – неподходящее время.

В полночь приступаем к минированию. Люди чертовски устали, но работают безукоризненно. Еще затемно минирование закончено, и минеры отползают далеко в кусты.

На рассвете показывается на шоссе тяжелая семитонная машина с немецкими автоматчиками. Следим за ней в бинокль – она кажется вроде игрушечной, наполненной крошечными солдатами.

С наблюдательного пункта первый мост отчетливо виден; около него стоит старый бук, расщепленный молнией, а перед ним густой кустарник, закрывающий шоссе.

Машина скрывается за кустами. По расчетам, она должна пройти их в несколько секунд. Но время тянется бесконечно медленно. Прошла минута, другая... машины нет.

Мелькает мысль: быть может, ночью мы обронули что-нибудь у подхода к мосту, немцы заметили, остановили машину? Сейчас они обнаружат мину, обезвредят ее...

Машина снова на шоссе. Она взбегает на мост, и мы видим, как без шума – слишком далеко – кверху взмывает столб пламени, земли, взлетают части моста и машины. Только через несколько секунд доносится глухой, раскатистый гул.

Еще не успевают рассеяться дым от взрыва первой машины, как на втором мосту взлетает на воздух второй грузовик. В окуляре бинокля фашистские автоматчики падают на землю, как осенью в наших кубанских садах падают спелые груши, когда трясут дерево. Те, что чудом уцелели, бросаются в кусты. Их не тревожим – это не входит в задачу группы.

В Смоленской и Ново-Дмитриевской поднимается тревога. Уже слышен шум моторов, идущих на помощь машине. Наши быстро начинают отходить к горам.

Примерно через полчаса раздается третий взрыв. Его несколько раз повторяют горы, и звук его как-то особенно высок и резок. Это взорвалась бронемашина на третьем мосту.

Возвращаясь обратно, наши минеры осматривают мост на дороге Смоленская – Северская. Смольчане сплеховали: взрывы пощипали только крайние балки.

Мы исправляем ошибку – минуем мост вторично. После полудня на нем взрывается фашистский броневики...

Общий результат: четыре взорванных моста, шестьдесят убитых немцев. Раненых сосчитать не удастся.

КАМЕННАЯ АРКА

Ночью из лагеря выходят семь человек. С ними Дакс, громадная овчарка, похожая на волка. Группа держит путь в глубину гор, туда, где на далеком высокогорном шоссе стоит мост – крутая каменная арка, переброшенная через глубокое ущелье. Мы узнали, что в ближайшие дни по шоссе через мост должны пройти горно-егерские части фашистов.

Как всегда, наши идут цепочкой. Впереди – следопыты и охотники, два брата Мартыненко.

Светает. Залитый солнцем, вырастает впереди крутой горный кряж. Ключья тумана ползут из ущелий.

Сергей Мартыненко резко останавливается и поднимает руку. Наши припадают к земле. Евгений, еле сдерживая Дакса, бесшумно пробирается вперед.

Мартыненко вскидывает ружье. Выстрел разрывает тишину. Гулким эхом повторяют его горы.

Дакс срывается с места и стрелой летит вниз, туда, где по ущелью несется стадо диких свиней. Сзади бежит молодой кабан, оставляя за собой кровавый след. Дакс бросается ему на спину и повисает, вцепившись зубами в холку.

Ревущий серый клубок катается по траве. Кровавая пена бьет из пасти раненого зверя. Он еще силен. Он пытается вырваться и клыками пропороть Дакса. Но Дакс крепко вцепился в кабаньей загривок. Он скорее погибнет, но челюстей своих не разожмет.

Вниз быстро кинулся Сергей Мартыненко. Улучив момент, резким движением он по самую рукоятку вонзает свой нож в грудь зверя. Кабан замирает.

Охотники свежую добычу и вешают тушу высоко на дереве, чтобы ее не сожрали дикие звери. На обратном пути охотники отнесут ее в лагерь.

С каждым часом путь становится труднее. Уже давно осталась в стороне тропа, и наш партизан Карпов, прекрасно знающий горы, уверенно ведет группу напрямик к перевалу.

Люди цепляются за кусты, за деревья. Подтягивают друг друга за руки. Отдыхают через каждые сто метров. На коротких привалах Евгений неизменно торопит спутников:

– Пошли, товарищи. Быстро!

До вершины хребта остается пятьдесят метров, но полтора часа карабкаются люди по этим последним отвесным каменным плитам и, вонзая в расщелины финские ножи, подтягивают друг друга на веревках по лестнице из ножей.

Подъем кончился. Внизу диким нагромождением скал лежат отроги Кавказских гор. На юго-западе блестят на солнце снеговые вершины. А где-то там, далеко на севере, в туманной дымке лежит родной Краснодар.

Люди, связанные друг с другом длинной веревкой, ползут по камням перевала. Здесь не растет даже мох. Скользкие темные плиты отполированы дождями и ветром. Их острые гребни режут ноги. Внизу чернеет провал ущелья.

Дакс, временами жалобно взвизгивая, жметя к ногам Евгения. На привалах смотрит на хозяина умными печальными глазами и виновато лижет руку.

Два часа длится этот тяжелый путь. У Гени мучительно ноет недавняя рана на плече. Тяжелыми гирями кажутся противотанковые гранаты на поясе. Лямки заплечного мешка с взрывчаткой, продовольствием, патронами врезаются в тело. Во рту пересохло. Ноги горят, как обожженные. Хочется лечь на эти голые плиты,

закрывать глаза и лежать неподвижно, ни о чем не думая. Но Геня не может, не смеет отставать – сам упросил брата взять его з горы.

Начинается спуск. Он тяжелее подъема. В сумерках на скользких плитах трудно найти опору для ног. Помогают оголенные корни деревьев – как змеи, они вьются в расщелинах скал.

Наконец начинается ровная горная дорожка. Короткий получасовой отдых – и снова в путь.

Наступает ночь. Где-то совсем рядом шумит Горная речушка. В лесу назойливо кричит горная сова – пышная рыжая птица с хитрыми кошачьими глазами и острыми серыми ушами.

Неожиданно Дакс резко останавливается и глухо рычит. Густая шерсть на спине поднимается дыбом.

Евгений приказывает Карпову разузнать, в чем дело. Но Карпов не прошел и пятидесяти метров, как справа грохнул выстрел. Пламя, вырвавшись из дула винтовки, на секунду осветило кучу поваленных бурей деревьев.

Евгений оттягивает группу назад. Карпов и братья Мартыненко бесшумно уползают в темноту.

Дакс нервничает.

Проходит полчаса. В кустах раздается треск цикады – это возвращаются разведчики.

– Впереди по нашему пути, у края дороги, стоит шалаш, покрытый землей, – тихо докладывает Евгению младший Мартыненко. – У шалаша семь-восемь человек. Что за люди, в темноте разобрать не удалось. Надо думать, сторожевая застава у перевала.

Нельзя подымать шум, когда так близка цель: ночная суматоха может испугнуть немецкий караул у моста и охрану в ауле.

– Карпов, ведите в обход, – приказывает Евгений.

Партизаны крутой дугой огибают таинственную заставу.

На рассвете выходят на дорогу. Из-за далеких хребтов ослепительно брызжет встающее солнце и гонит по горам голубые тени. Из соседнего аула, по ту сторону горы, доносятся далекие голоса и тявканье собак.

На день надо скрыться, исчезнуть, провалиться сквозь землю.

В стороне от дороги стоят густые заросли держи-деревя. Лучшее пристанище трудно найти. Даже кавказская овчарка не посмеет забраться туда: при малейшем движении острые шипы колючек глубоко вонзаются в тело.

Прорубив топориками узкий проход, отряд располагается на отдых в густых зарослях. Геня ложится в дозоре. Карпов и братья Мартыненко уходят в разведку.

Вечереет. С востока ползут сумерки. В их синей мгле исчезают рощи, сакли соседнего аула, нагромождение камней у дороги. И над зарослями держи-деревя спускается темная южная ночь.

Возвращаются разведчики. Карпов докладывает:

– Мост совсем рядом. Дорога подходящая. Встретил своего старого приятеля из соседнего аула. Он подтвердил, что, быть может, даже завтра утром по мосту пройдут крупные мотомехчасти немцев. Явились, значит, вовремя. Только бы не опоздать. Приятель обещал нам помочь...

Отряд выходит из зарослей. С высокого обрыва смутно видны каменная арка моста и крутой поворот шоссе у выступа горы.

По эту сторону арки, около поста с «грибком» от дождя, ходят двое часовых. Они медленно делают десять шагов в одну сторону, медленно поворачиваются, медленно проходят назад.

По другую сторону арки стоит казарма караула. Надо думать, оттуда на фоне скалы должны быть видны силуэты часовых у «грибка».

Над ущельем на изорванной по краям полосе неба сверкают синие звезды. Из темноты леса доносится тихий хруст – осторожно ходит ночной зверь, – и все кричит уныло сова. А внизу, под мостом, шумит и клокочет река с белыми гребнями пены. Она с шумом рвется по каменным перекатам, и ночью рев ее особенно суров и грозен...

– Карпову и братьям Мартыненко снять часовых, – приказывает Евгений и добавляет: – Сделайте так, чтобы для караула по ту сторону моста часовые оставались живы всю ночь. Понятно? Как только часовые исчезнут, обоим Мартыненко приступить к минированию моста. Недриге, Козмину и тебе, Геня, заложить мины на шоссе.

Три тени ползут по обрыву и замирают у начала арки.

Томительно тянутся минуты.

Часовне подходят к «грибку».

Резко, как камни из пращи, Сергей и Данило бросаются на часовых.левой рукой крепко зажимают рот. Правая рука привычным движением вонзает финский нож под ложечку – так па Кавказе охотники добивают раненого зверя.

Часовые беззвучно оседают. Быстро сдернув с них шинели, Мартыненко сбрасывает трупы с обрыва. Рокот реки заглушает шум падения...

Накинув на себя шинель и взяв в руки винтовку, Карпов медленно прогуливается у поста. Вторая шинель висит на перекладине «грибка», и ночной ветер чуть колеблет ее полы.

Сергей и Данило быстро закладывают мины в начале настила и внизу, у основания арки, соединяя их детонирующим шнуром.

Через полчаса к мосту подползает Евгений и проверяет работу. Мины заложены правильно и тщательно замаскированы. Все сделано чисто и аккуратно.

Три мины на шоссе тоже заложены. Но четвертая – самая большая, та, что должна лечь у крайнего выступа дороги, – нелегко дается. Обливаясь потом, Геня долбит ножом крепкий камень. К нему на помощь приходят братья Мартыненко. Но у Гени уже все готово, и он отползает в дозор.

Через несколько минут Дакс, ошестившись, тихо ворчит. Почти тотчас же раздается резкий стрекот сойки: Геня предупреждает об опасности.

Два фашистских горных егеря идут по шоссе.

Евгений приказывает Недриге и Козмину приготовиться к бою. Остальные бесшумно отползают с дороги.

Повторяется то же, что было у «грибка»: мгновенно левая рука зажимает рот, правая вонзает нож. Трупы егерей летят с обрыва.

Вся группа, прячась в кустах, быстро взбирается на скалу. С нее днем будет отчетливо виден крутой поворот шоссе, мост, казарма караула...

Перед рассветом внизу у немцев начинается суматоха: исчезли часовые, и только на перекладине «грибка» висят их серо-зеленые шинели.

Пропавших ищут на шоссе, на склоне обрыва – и не находят: река уже давно унесла их трупы.

К рассвету поиски прекращаются. Новые часовые боязливо оглядываются по сторонам. Но никому из фашистов не приходит в голову внимательно осмотреть мост и дорогу. Они уверены, что в их горное гнездо не могут пробраться партизаны.

Наши терпеливо ждут.

Из-за поворота на шоссе медленно выползает арба, запряженная парой буйволов. Невозмутимые, равнодушные ко всему на свете буйволы подходят к месту, где Геня заложил свою мину.

У Гени захватывает дыхание: неужели эта проклятая арба раньше времени подорвет его мину, на которую ушли добрых две трети тола?

Пронесло!

Так же неторопливо, не обращая внимания на погонщика, что сидит на дышле и бьет их длинной хворостиной, буйволы въезжают на мост и скрываются за поворотом по ту сторону каменной арки.

Часа через два на шоссе раздаются гудки, и колонна грузовых машин, наполненных немецкими горными егерями, появляется за выступом горы.

– Приготовиться! – приказывает Евгений.

Головная машина выезжает на мост. Сейчас она взлетит на воздух... Но машина благополучно проходит над миной.

Будто сговорившись, все поворачиваются к Евгению.

Евгений лежит бледный, как полотно.

Взрыв сотрясает воздух. Это задний скат головной машины взорвал мину на мосту. Летят вверх камни свода и парапета моста, егеря, железо, доски кузова.

Колонна затормаживает и сбивается кучей у взорванной арки. И только немного отставшая задняя машина, догоняя своих, еще спешит к мосту.

На полном ходу она подходит к крутому выступу на шоссе, огибает его – и со страшным грохотом летит с обрыва. С ней вместе сползает вниз выступ, скалы и участок дороги перед ним.

Почти одновременно там, где сгрудились машины, рвутся одна за другой последние три мины. Они сбрасывают грузовики под откос, кромсают на части людей, поднимают вверх столбы мелкого щебня.

Уцелевшие егеря мечутся по шоссе. Некоторые прыгают с обрыва, пытаются спастись внизу, в кустах у реки. Но наши, положив карабины за камни, бьют их на выбор.

Геня уже на шоссе. Лежа за камнем, он расстреливает фрицев. А с вершины скалы длинные очереди Евгения и Карпова поражают фашистский караул, выскочивший из казармы по ту сторону моста.

Через несколько минут ест кончено. Мост взорван. На шоссе обрушилась скала выступа и вместе с полотном шоссе сползла вниз, в обрыв. У моста лежат трупы, исковерканные машины, груды камня.

Евгений подает сигнал отхода: в соседнем селении поднялась тревога, забегали люди, вдоль по шоссе строчит фашистский пулемет.

Старой дорогой, через перевалы, через горные кручи, сбивая в кровь ноги на острых, скользких камнях, наши возвращаются в лагерь. А сзади высоко в небо поднимается густой черный дым. Это приятель Карпова из соседнего аула сдержал свое слово и в суматохе поджег казарму горных егерей и дом коменданта в ауле.

«ВОЛЧИЙ ФУГАС»

Евгений, Кириченко, Ветлугин, Еременко сидят на траве под густым тенистым ясенем. Рядом с Евгением лежит Дакс. Положив морду на вытянутые вперед лапы, он

смотрит умными глазами на хозяина, и кажется – все понимает. А друзья горячо спорят о нагрузке, передаваемой паровозом через рельс, о законах вибрации, о коэффициенте трения и о минимальной закраине между минным зарядом и стыком рельса.

Перед Евгением разостлана плащ-палатка. По плащу разбросаны схемы, химические формулы, сложные технические расчеты, написанные на листках, вырванных из ученической тетради. И если бы на минуту убрать ясень, Дакса и часового, что стоит чуть поодаль в кустах, если закрыть глаза и только слушать, все это скорее походило бы на техническое совещание инженеров в научном институте, чем на собрание партизан в дикой глуши кавказских предгорий...

Речь идет о нашей новой моткой железнодорожной mine, наконец изобретенной Евгением.

Это «волчий фугас» – соединение тола и противотанковых гранат. Ее должен рвать не минер, а сам паровоз. И в то же время легкая автодрезина, обычно пускаемая немцами в разведку перед поездом, должна пройти благополучно над миной...

Впрочем, пока все это только теория: нигде, никогда и никто еще не рвал так железнодорожных поездов. И поэтому Евгений придирчиво проверяет каждый расчет: малейшая ошибка может погубить всю операцию. А речь идет о первой на Кубани минной железнодорожной диверсии.

Дело в том, что донесения агентурной разведки упорно говорят: на станцию Георгие-Афипская немцы пригнали добрых две трети подвижного состава с линии Краснодар – Новороссийск, сосредоточили тяжелые автомашины и в ближайшие дни начнут крупные перевозки к Черному морю: под Новороссийской идут горячие бои.

Мы просили командование разрешить нам взорвать немецкий поезд на участке Северская – Георгие-Афипская, одновременно минировать шоссе и дорогу, идущие вдоль железнодорожного полотна, и этим хотя бы на время, но основательно и прочно закупорить фашистам путь к Новороссийску.

Евгений волнуется. Он мечтает сам заложить эту новую мину и увидеть, как впервые на Кубани взлетит на воздух фашистский поезд.

– Я хочу, чтобы от края до края грохотом взрывов гремела моя родная Кубань, пока хотя бы один фашист остается на ее земле... И это будет, папа. Будет!..

Разрешение на железнодорожную диверсию, наконец, получено. «Волчий фугас» выверен, роли распределены, и поздно вечером отряд минеров отправляется в путь. В нем четырнадцать человек. Евгений идет с нами, хотя он еще не поправился после недавней болезни: только он сможет безошибочно вывести нас к месту диверсии.

В лагере не знают, куда и зачем мы уходим: у нас не принято болтать о предстоящих операциях. Гени нет в лагере. Он на Планческой – возится с запасными частями к автомобилю.

Наша первая остановка в Крепостной...

Всю ночь едем проторенной, не раз исхоженной дорогой. Евгений – на линейке: после болезни он еще очень слаб. Он бледен, исхудал, у него темные круги под глазами, но, как всегда, он насторожен и внимателен.

Ночь выдалась темная. Движемся тихо. Только изредка пофыркивают лошади да на крутых поворотах поскрипывает линейка Евгения.

Часов около двух ночи позади нас неожиданно раздается знакомое причмокивание – сначала отрывистое и резкое, потом протяжное и длинное. Это кто-то из своих

подошел к нашей колонне. Его окликнули – он ответил. Потом приглушенные голоса, торопливые шаги, и передо мной вырос Геня.

– Отец, ты не имеешь права не брать меня! Мы заключили с Женей договор ходить на все серьезные операции вместе. Я приехал сюда не шкуру свою спасти!..

Что я могу ему ответить? Правда, он явился без рюкзака, в грязном белье, в грязной верхней одежде – так у нас не полагается выходить на операции, – но он смотрит на меня умоляющим взглядом, у него за спиной материнский карабин, и он действительно приехал сюда не шкуру свою спасти.

– Хорошо, Геня, пойдешь с нами.

В Крепостной Ветлугин спешно заканчивает изготовление ящиков для автомобильных мин. Эти мины – тоже новость в нашей, да и вообще в партизанской практике. Они устроены так же, как и паровозные мины: они взорвут тяжелый грузовик, но над ними спокойно проедет крестьянская телега. И, что особенно важно, никакой фашистский миноискатель не обнаружит нашей мины: в ней только дерево, тол и ни грамма металла.

Вечером начинается перегрузка: все, что лежит на подводах – семидневный запас продуктов, патроны, гранаты, мины, – распределено по рюкзакам. На каждого приходится добрых тридцать килограммов.

Ночью опять отправляемся в путь. Небо покрыто низшими рваными тучами. То и дело срывается дождь. Он сечет опавший лист, камни, хлещет о стволы деревьев.

Закутанные в плащи, мы кажемся друг другу таинственными, фантастическими существами. Идем цепочкой; каждый держится за рюкзак переднего.

Мы идем медленно, осторожно, беззвучно. Дороги переходим, шагая в один след, задом наперед, чтобы сбить с толку тех, кто завтра утром обнаружит отпечатки наших подошв. Вдоль железнодорожного полотна пробираемся через густой кустарник; немецкие караулы у мостов время от времени освещают степь яркими ракетами.

Через каждые пять-шесть километров привал: снимаем рюкзаки, кладем на них отекающие ноги и лежим десять минут. И снова в путь – сквозь густой колючий кустарник, по холмам и оврагам, в дождь, грязь, ветер, с тяжелыми мешками за спиной, с карабинами, автоматами, патронами, противотанковыми гранатами.

Всегда внимательный ко мне, Геня на этот раз особенно заботлив: на привалах подает рюкзак, поправляет лямки, помогает взбираться на крутые склоны.

Под утро подходим к хутору Коваленков.

Всем достается порядком, особенно Евгению: у него все еще высокая температура. Тяжело и Янукевичу – Виктора Ивановича мучает кашель, а кашлять в походе нельзя, и он изжеввал весь рукав своей телогрейки.

Назавтра объявлена дневка. Спать, спать, спать!

Но выспаться нам так и не удается.

Выставив дозоры, ложимся в густом кустарнике. Спать холодно, и, по команде Евгения, мы сбиваемся в общую кучу, накрываемся маскировочными бязевыми халатами и согреваем друг друга. По обе стороны от меня лежат мои сыновья...

Спим спокойно. Только часовые, сменяясь, отползают в дозоры да Евгений проверяет караулы и наблюдателей.

Светает. Щебечут птицы. Трещат, заливаясь, кузнечики в траве. Туман еще закрывает горы сизым занавесом, но выше, под синим небом, сверкает в лучах невидимого солнца ледяная вершина.

Неожиданно рядом раздается длинная автоматная очередь.

Ей отвечает вторая, третья.

Тревога!

Недвижно лежим в кустах, приготовившись к бою. Разведка доносит: это немцы, выйдя из хутора, бессмысленно бьют по сторонам.

Весь день лежим в кустах.

Спускаются сумерки. Вволю напившись воды из соседней речушки и набрав полные фляги, выходим цепочкой: опасно долго засиживаться на одном месте.

Чтобы запутать следы и обмануть немецких собак-ищеек, пересекаем густые заросли колючего терна, несколько раз переходим вброд реку Убинку и до рассвета прячемся в маленьком леске. Он редок – немцы вырубili в нем кусты, – но в этом, быть может, наше спасение: фашисты, прочистив как следует рошу, едва ли заглянут сюда.

Утром, выставив дозоры, ложимся спать. Евгений уходит на разведку. Как всегда, он весел, спокоен, внимателен. Но глаза слезились. На щеках лихорадочный румянец. У него все еще жар.

Двое суток разведчики Евгения сидят на высоких деревьях, лежат в кустах, прячутся в ямках и внимательно следят за шоссе, за дорогой, за железнодорожным полотном. А наша основная группа, отдыхая днем, по ночам спускается к воде и снова бесшумно бродит по кустам, рощам, колючему терну, меняя места ночлега.

Наконец, Евгений докладывает: удобнее всего рвать на четвертом километре от Северской – там дорога, шоссе и железнодорожное полотно подходят друг к другу. Автомобили идут только днем. Поезда проходят четвертый километр в восемь утра и в четыре часа вечера.

Тем лучше – ночь свободна. Значит, надо подойти к полотну в полночь, быстро закончить минирование и до утра отойти в горы.

ПАМЯТНАЯ НОЧЬ

Я никогда не забуду эту ночь...

Вечер. Мы идем к месту диверсии. Впереди – дальняя разведка во главе с Евгением, по бокам – дозоры, сзади – автоматчики.

Пройден последний лес. Перед нами открытое поле. За ним – железнодорожное полотно с высокими тополями по бокам, а за полотном – шоссе и дорога.

Вокруг ни души. В темном высоком небе ярко горят звезды. Сзади, как призраки, стоят далекие фиолетовые горы.

Неожиданно над Георгие-Афипской, а затем и над Северской вспыхивает белый свет. Его сменяет зеленый, потом красный. Они перемежаются, гаснут и снова загораются. Это, конечно, сигналы. Но разве отгадаешь, какое важное сообщение передают фашисты своим световым телеграфом?

Телеграф работает минут пятнадцать. И снова темно и тихо вокруг. Как гигантские часовые, стоят тополя вдоль линии. Где-то далеко раздается еле слышный свисток маневрового паровоза.

Евгений встревожен:

– Надо торопиться!

Вперед выходит разведка. Она ищет проходы в терне и пропадает в темноте ночи.

Вскоре у полотна начинает квакать лягушка: это Евгений докладывает, что путь свободен.

Осторожно подходим к краю насыпи. На руках поднимаем на шпалу переднего. Он помогает остальным подняться так, чтобы они не коснулись ногой песка насыпи. Тем же способом спускаемся вниз.

Группа прикрытия уходит в кусты. Занимают свои места дозоры. Минеры приступают к работе.

Через час все должно быть закончено...

Геня вместе с Янукевичем финским ножом выкапывает ямку на дороге, выгребают землю, на разостланную стеганку, а лишнюю, собрав в шапку, уносит в глубину кустов.

Геня стоит перед Янукевичем и передает ему минный ящик. Тот заряжает его взрывателем и осторожно опускает в землю. Геня тщательно маскирует ямку.

Закинув карабин за плечи, Геня пробегает мимо меня к железнодорожному полотну. Там работают Евгений и Кириченко.

Уже вырыта ямка под рельсовым стыком, уже уложены в нее две противотанковые гранаты, и Геня, подбежав, успевает добавить свою, третью.

– Пусть и меня фрицы вспомнят на том свете! – смеется Геня.

Под шпалу рядом с гранатами ложатся толовые шашки. Кириченко выдергивает флажок предохранителя, снимает накладку. Евгений маскирует полотно, отделявая насыпь «под елочку».

Мина на полотне почти готова. Остается выдернуть последнюю шпильку у предохранителя. Но это сделает один из минеров, когда все отойдут в степь. И Кириченко с Евгением спешат на дорогу. Там что-то не клеится: грунт слишком плотен, трудно рыть ямки для минных ящиков.

Ночь тихая, теплая. Сияют звезды над головой. Недвижно стоят тополя у дороги. Где-то далеко раздается собачий лай и смолкает. И снова тихо. Только в кустах слышен шорох – это Геня относит туда последний грунт с дороги.

Минировать шоссе мы не будем: оно слишком разбито, и немцы почти не пользуются им. Закончим минирование железнодорожного полотна – и домой, в горы...

Со стороны Георгие-Афипской возникает еле слышный звук. Быть может, самолет летит на ночную бомбежку?

С каждой секундой шум становится отчетливее, яснее. С ним переплетается второй звук. Они сливаются, нарастают. Они все ближе...

Поезд!

Из-за поворота, набирая ход под уклон, на всех парах идет тяжелый состав. А рядом с ним, по шоссе, мчатся броневики.

Так вот о чем говорил своими огнями световой телеграф!

Что делать? Уходить в горы? Но в «волчьем фугасе» на железнодорожном полотне еще не снята шпилька у предохранителя. Шоссе свободно. Немцы вырвутся на него. Они зажмут нас в клещи...

Мимо меня стрелой проносятся сыновья. Заряжая на бегу последние две мины, они спешат к шоссе. В последнюю минуту минируют обе колеи и выскакивают к полотну железной дороги.

Паровоз уже рядом. Вырывается пламя из поддувала. Гремят буфера.

Ребята бросаются к поезду... Разве можно в этой крошечной тьме найти крошечную шпильку предохранителя?

Нет, они задумали другое: у них в руках противотанковые гранаты. Они бросят их, и от детонации взорвется «волчий фугас».

Я бегу за детьми.

Но поздно...

Одна за другой рвутся две гранаты. И тотчас же со страшным, оглушительным грохотом взрывается «волчий фугас».

Сразу становится жарко и душно. Взрывная волна, будто ножом, срезает крону могучего черного клена, стоящего передо мной, и отбрасывает меня назад.

Я вижу, как лопается котел паровоза, как паровозные скаты взлетают выше тополей, как, падая под уклон, вагоны лезут друг на друга, разбиваются в щепы, погребая под собой немцев.

Новый взрыв. Это летит на воздух броневик на шоссе. За ним, ярко вспыхнув фарами, рвется второй.

Взрывы следуют один за другим. Мины на шоссе корежат машины, разбрасывают искалеченные трупы немецких автоматчиков. На линии железной дороги пылает взорванный поезд.

Я бросаюсь к железной дороге, ищу своих сыновей. Они должны быть где-то здесь, рядом.

Бегу вдоль полотна. Под ногами обломки вагонов, искореженные взрывом рельсы, трупы немцев.

– Евгений!.. Геня!.. – кричу я.

Крик тонет в грохоте минных разрывов, в стоне раненых немцев, в шуме пожара.

Впереди, залитые отблесками горящего поезда, вырастают фигуры Янукевича и Кириченко. Они расступаются: на земле под обломками взорванного паровоза лежит Евгений.

Несколько мгновений я молча стою над сыном...

Евгений мертв.

Друзья поднимают его и уносят...

– Батенька, идем, – торопит меня Кириченко.

Но я не могу уйти, я должен найти Геню. Он жив, непременно жив. Он не мог погибнуть!

И снова я бегу вдоль полотна. Где-то рядом раздается длинная автоматная очередь. По-прежнему дико кричат раненые фашисты.

Я нахожу Геню чуть поодаль, в кустах. Он лежит навзничь, залитый кровью.

Бережно поднимаю еще не остывшее тело. Теплая кровь стекает по моим рукам. Я несу Геню через минированное шоссе. И все никак не могу поверить, что он мертв. Он просто спит, мой Геннадий...

Сзади грохочет взрыв. Это рвутся снаряды в горящем поезде. Ярко вспыхивает пламя. Оно освещает Генино лицо. И мне кажется, я слышу голос сына – те слова, что сказал он в памятную ночь, когда мы выходили из лагеря:

«Отец, я приехал сюда не шкуру свою спасти!..»

Да, мальчик, ты пришел сюда бороться и побеждать, и ты с честью выполнил свой долг солдата...

ТЯЖЕЛАЯ УТРАТА

За дорогой, в кустах, мы молча финскими ножами роем неглубокую яму, кладем ребят, забрасываем землей. А над головой, срывая листья, уже жужжат пули: уцелевшие немцы пришли в себя и крутой дутой охватывают кустарник.

Я стою у могилы, стараясь замаскировать этот маленький холмик. Неожиданно передо мной вырастает Павлик. Схватив за руку, он быстро тащит меня прочь из кустов: немцы сжимают дугу.

Мы идем по степи. Вокруг ни куста. Над головой вспыхивают осветительные ракеты. Падаем на землю и замираем.

Ракеты тухнут. Мы поднимаемся и снова быстро идем. И снова над нами загораются ракеты.

Сзади раздается рев моторов: немцы заметили нас и бросили вдогонку вездеходы и автомашины. Слепя фарами, они подходят все ближе и ближе.

Янукевич ложится на землю. Остальные быстро идут дальше. Вездеход почти рядом. Под гусеницы летит противотанковая граната. Машина кренился набок, останавливается.

Вслед за Янукевичем ложится Кириченко. Новый взрыв – и второй искалеченный вездеход замирает на месте.

Мы круто сворачиваем влево. Под ногами вспаханная целина. На ней окончательно застревают фашистские автомашины. Взбешенные немцы открывают ураганный огонь.

Теперь мы забираем вправо. У табачных сараев станицы Смоленской пересекаем дорогу и выходим из обстрела.

Так мы идем всю ночь.

Меня заботливо ведут под руки. Боль утраты поразила всех. На глазах у моих суровых, закаленных товарищей слезы. Не верится, что мы возвращаемся без Евгения и Гени...

На рассвете подходим к предгорью. Останавливаемся на отдых. Над головами, ища нас, с ревом проносятся германские самолёты, делают широкий круг, ястребами парят в воздухе.

Вытянувшись цепочкой, глухими тропами мы уходим на передовую стоянку под Крепостной.

Я иду, машинально передвигая ноги. Мне все кажется – сейчас ко мне подойдет Евгений, взглянет через плечо и весело спросит:

– Ну, папа, куда пойдём завтра?

Сердце окаменело. Одна мысль: ребят больше нет...

Как сказать об этом Елене Ивановне?

Я сделал так, как посоветовал Ветлугин: я сказал Елене Ивановне, что ребята тяжело ранены и случайным самолетом отправлены в Сочи.

Елена Ивановна молча, пристально посмотрела мне в глаза – и поверила.

Вечером подал Елене Ивановне записку, якобы радиограмму из Сочи: Геня безнадежен, у Евгения состояние тяжелое.

Ночью Елена Ивановна, взяв автомат и гранаты, ушла в Шабанов, откуда будто бы наши сыновья отправлены самолетом в Сочи. Путь ее лежал через хутора, занятые немцами. Елена Ивановна хотела узнать подробности. Ее догнали далеко от нашей стоянки и едва вернули.

Елена Ивановна плачет. Она страдает молча. Лицо у нее почернело, глаза ввалились. По ночам она не спит и только изредка стонет сквозь стиснутые зубы. Часами она бродит по лесу. Ее любимцы Слащев и Сафронов издали следят за ней.

Утром следующего дня Елене Ивановне передают новую «радиограмму» – о смерти ребят. Она долго молча перечитывает записку. Потом бережно складывает ее и прячет в патронташ.

Все понимают: пока лучше не говорить с ней, не трогать ее...

Вернулись, наконец, разведчики.

Два дня они были у места взрыва – сидели на высоких стогах сена у скотофермы и наблюдали в бинокли.

Паровоз и двадцать пять вагонов разбиты. Из-под обломков к разведчикам доносились крики и стоны фрицев. На шоссе лежали остатки двух броневиков. Чуть поодаль – две взорванные автомашины.

Через несколько часов после взрыва немцы пустили к Северной тяжелой машину, нагруженную боеприпасами. Машина прошла пятьдесят метров и взорвалась. Грохот был страшный.

Приехали немецкие саперы и прошли весь профиль с миноискателями. Но они ничего не нашли. Снова пустили машину. И снова она взорвалась.

Тогда фашисты ещё раз проверили шоссе, местами его перекопали и пустили автомашины с колхозниками из Георгие-Афипской. Машина чудом прошла благополучно. Но следующая за ней машина, с немецкими автоматчиками, взлетела на воздух.

Немцы пригнали наших военнопленных и приказали им перекапывать весь профиль. На минах взорвалось несколько человек. Но когда фашисты снова пустили машину, она подорвалась на последней мине, заложенной Теней и Янукевичем.

По подсчетам разведчиков, немцы вывезли не меньше пятисот трупов. Сколько было раненых и покалеченных, установить не удалось.

– И вы знаете, Батя, когда рвались последние мины, нам временами казалось, что это Евгений Петрович и Геня мстят врагу за нашу поруганную кубанскую землю...

МЕСТЬ

В лагере на поляне повзводно выстроен отряд. Комиссар открывает траурный митинг. Скупые слова идут от сердца.

Мстить! Мстить, пока бьется сердце, пока рука держит винтовку. Мстить за выжженные станицы, за вытопанную пшеницу, за муки, слезы и горе родного народа. Мстить за Евгения и Теню, погибших во имя солнечной, радостной жизни нашей страны.Г

Так решает отряд имени братьев Игнатовых.

И партизаны мстят...

Первыми выходят на операцию наши «гвардейцы», друзья Евгения и Гени: Ветлугин, Янукевич, Литвинов, Сафронов, Слащев и Мура Янукевич. Они идут сто километров по тылам врага, по кручам, болотам, колючему терну. Они взбираются на скалы, переходят вброд реки, бесшумно ползут мимо немецких дзотов, спят на мокрой земле, каким-то особым, обостренным чутьем – по стрекоту сойки, по обломанной ветке, по еле слышному шороху в кустах – вовремя обнаруживают вражескую засаду и подходят наконец к важной железнодорожной магистрали.

Они ложатся в кусты и видят: немцы оголили стыки рельсов, чтобы нельзя было замаскировать мины. Время от времени фашисты пускают по дороге бронедрезину: она проверяет посты и железнодорожный путь. Все подходы к дороге густо

заминированы, ограждены колючей проволокой, и немецкие часовые без предварительного оклика стреляют в каждого, кто приближается к проволоке.

Взвиваются дымовые ракеты, и на шоссе показываются автомашины. Они привозят автоматчиков. Сплошной цепью, по два на каждые тридцать метров, они останавливаются по обе стороны железнодорожного пути.

И только тогда трогается поезд. Он идет медленно, делая не больше трех-пяти километров в час. Вид поезда необычен: впереди три платформы, доверху груженные камнем, за ними два пульмана, бронированные и вооруженные тяжелыми пулеметами и пушкой, и лишь после них – паровоз и обычные вагоны. По обеим сторонам паровоза по бровке полотна едут мотоциклисты с пулеметами, а на подножках вагонов висят автоматчики.

Как при такой охране минировать путь? Как взорвать этот поезд нашими автоматическими минами мгновенного действия, когда вес первых платформ с камнем явно равен весу паровоза, на который рассчитаны наши мины? Наконец, при малой скорости, с которой идет поезд, паровоз при взрыве даже не сойдет с рельсов, а вагоны наверняка останутся целы.

Но наши «гвардейцы» поклялись отомстить, и Геронтий Ветлугин садится за расчеты.

Идет дождь, холодно, мокнет бумага, коченеют руки, но к вечеру расчет закончен.

И когда через два дня на рассвете снова показывается такой же поезд – впереди платформы с камнем, бронированные пульманы, паровоз и добрых четыре десятка вагонов, на бровках мотоциклисты, на ступеньках вагонов автоматчики, – он весь, целиком, поднимается на воздух.

Это работа наших новых мин замедленного действия. Это – месть за Евгения.

СЕКРЕТНЫЙ ПАКЕТ

За смерть Гени наши ребята мстят иначе.

...Железнодорожный мост. Три раза его пытались взорвать партизаны из соседнего отряда и не могли. Немцы берегут этот мост, как зеницу ока; ни подползти к нему, ни прорваться с боем.

Спускаются сумерки. Группа наших минеров выходит на полотно и спокойно идет к мосту. Вид их несколько необычен.

Впереди с немецким автоматом вышагивает Ветлугин. Он одет как-то странно: то ли немецкий шпион, то ли богатенький кубанский казак. Вид независимый и наглый. За

ним со связанными назад руками бредут два наших минера, Их стеганки грязны и порваны: они явно сопротивлялись при аресте. Процессию замыкает Янукевич; у него тоже автомат и одет он примерно так же, как Ветлугин, но выглядит поскромнее.

Их останавливает часовой:

– Halt! Parol?

– Berg! – уверенно отвечает Ветлугин и молча протягивает ему запечатанный сургучом конверт. На нем четко выведено: «Geheimreichssache. Dem Chef der Polizei. Leitenant Kurt Biller».

Часовой вызывает начальника караула. Является фельдфебель и при свете карманного фонарика долго, подозрительно долго читает надпись на конверте.

– Tausend Teufel! Sie sind blind? – властно бросает Ветлугин.

От резкого окрика фельдфебель вздрагивает. Кто знает, что это за человек, принесший секретный пакет лейтенанту Курту Биллеру. Надо думать, он важный

агент гестапо, что так кричит на фельдфебеля. А эти оборванцы со скрученными руками, вероятно, пойманные партизаны. Надо провести их в караулку и оттуда позвонить господину лейтенанту в полицию.

Начальник караула жестом приглашает следовать за ним.

Сгустились сумерки. Накрапывает дождь. Сырой туман ползет над мостом.

Наши подходят к часовому. По сигналу Ветлугина, они бросаются на него и привычным ударом под ложечку валят на землю. Рядом падает начальник караула.

Все сделано так стремительно, что никто из немцев даже не успевает вскрикнуть...

Моросит дождь. Тишина.

Начинается минирование. Работа привычная, и через пятнадцать минут все закончено: четыре мины заложены и замаскированы по всем правилам искусства. А пятая мина будто второпях уложена с противоположного конца моста и рядом с ней – трупы убитых.

Наши быстро отходят в горы. Но не успевают они пройти и двух километров, как на мосту поднимается тревога, слышна беспорядочная пальба: немцы обнаружили мину и трупы часового и фельдфебеля.

По тревоге из Северской несутся немецкие автомашины, и, обгоняя их, мчится поезд с автоматчиками.

Взрыв. Поезд вместе с мостом взлетает на воздух.

– Я должен честно признаться, – говорит мне Ветлугин, – в этой операции я – ученик Гени. Я применил тот же метод, что и в его блестящей операции с горючим. Помните забинтованного немецкого обер-фельдфебеля? Я перехитрил немцев. И этот взорванный мост и поезд – месть за Геню...

Андрейка

За смерть моих сыновей мстят друзья Гени из соседних отрядов – те «малыши», с которыми он так любил ходить в разведку...

Из партизанского лагеря на закате солнца выходят три подростка, три безусых комсомольца.

С высокого холма видны в туманной дымке полосы тополей; двумя рядами они вытянулись вдоль железнодорожной линии.

У полотна дороги, чуть ближе к горам, среди фруктовых садов стоит станция Северская.

Комсомольцы идут туда, чтобы взорвать поезд.

Ребята идут налегке: в карманах только револьверы и гранаты. Но они непременно добьются своего. У немцев много взрывчатки, а у ребят в станции остались друзья, значит, будет тол, будут мины – и будет взрыв.

У одного из комсомольцев – у сероглазого вихрастого Андрейки – отец в станции. Мальчик крепко надеется на отцовскую помощь, и сейчас он думает о том, как рука об руку со смелым сильным отцом они выйдут на полотно, взорвут поезд и вместе уйдут в горы.

Быт Андреи мечтателем и до сих пор любит и помнит сказки, которые так хорошо рассказывала ему мать в детстве. Молчаливая, тихая, с морщинками вокруг потускневших раньше времени глаз, она казалась такой беспомощной, слабой, способной только рассказывать свои чудесные, всегда чуть грустные, красивые сказки...

Андрей любит свою мать. Но она ничем не сможет помочь в его трудном и опасном деле. Только о встрече с отцом мечтает мальчик.

В глухую темень ребята пробираются в станицу.

Андрей задами подходит к родной хате. Как давно он не был дома... Немцы захватили Северскую неожиданно. В тот страшный день Андрей не видел отца и не смог сказать ему, что уходит в горы. Только мать знала об этом.

– Значит, судьба, – сказала она ему на прощанье.

Андрей тихо стучит в окно.

– Кто там? – раздаётся женский голос.

На крыльцо выходит мать в темном платке.

– Андрейка! Живой! Родной мой!.. Нет, нет, не ходи в хату. Не надо.

Она закрывает его платком и, обняв, уводит в дальний конец густого, запущенного сада. И здесь Андрей узнает страшную новость.

Никогда вместе с отцом он не выйдет на полотно, чтобы взорвать поезд. Никогда Андрей не почувствует на своем плече ласковую отцовскую руку. Отец изменил тому, что для Андрея дороже жизни. За корову он продал свою честь. Отец – полицейский.

– Уходи, Андрейка, уходи, мой хороший...

– Нет, мама, я не уйду.

И Андрей откровенно рассказывает матери, зачем он пришел в станицу и как мечтал вместе с отцом бить немцев.

– Страшно, Андрейка. Ох, как страшно...

Мать долго смотрит в глаза сыну, будто последний раз видит Андрейку, будто на всю жизнь хочет запомнить любимое лицо. Потом медленно, истово крестит сына.

– Старая я, темная, сынок, но если будет нужда, шепни мне, скажи...

В эту ночь Андрей не смыкает глаз.

Он думает об отце, которого еще вчера любил доверчивой детской любовью. И он думает о матери, которую только сегодня впервые по-настоящему увидел.

Станица по-прежнему живет своей обычной жизнью. А по вечерам, когда с далеких гор ползут синие сумерки, к дому полицейского подходят ребяташки, еще несколько месяцев назад носившие на шее красный пионерский галстук.

Их встречает тетя Катя – Андрейкина мать.

Она все такая же молчаливая, тихая, неразговорчивая, закутанная в темный старушечий платок. Она берет у ребяташек корзины – в них лежат яблоки, иногда яйца или просто свежее душистое сено.

Тетя Катя несет корзины в сарай. На дне корзин она находит желтоватые брусочки, похожие на мыло, какие-то капсулы.

Все это она осторожно складывает в дальний угол сарая, где лежат старые хомуты, ржавые ободья для колес, поломанные лопаты, тряпье.

– Завтра еще принесем, тетя Катя, – шепчут ребяташки.

Глухой ночью на маленьком мостике у самой станции взлетает на воздух поезд с немецкими автоматчиками.

Два дня фашисты прочесывают лес и кусты у станицы, обыскивают все вокруг. Тридцать солдат из железнодорожной охраны, не сумевших уберечь важный воинский эшелон, расстреляны. Но никому из немцев не приходит в голову, что эти босоногие ребяташки, у которых одна забота – голуби, лапта, удочки, – рискуя жизнью, выкрали тол, взрыватели, капсулы, снесли все это тете Кате и что в сарае у полицейского еще и сейчас лежит добрый запас взрывчатки.

Через несколько дней новый взрыв гремит над Северской: все на том же мостике взлетает на воздух состав с боеприпасами.

Он рвется не сразу: один за другим, как гигантское эхо в горах, ухают взрывы, далеко разбрасывая горящие доски вагонов.

Зарево иссыхает над станицей. А в тенистом саду у забора стоит тетя Катя. Широким крестным знаменем осеняет она деление темные горы. В ее глазах – сияющая гордость за сына:

– Храни тебя господь, Андрейка мой... Родимый мой...

Так открывается счет мести. Но это – только начало. И летят на воздух новые поезда, рвутся машины, падают фермы эгретов, бесследно исчезают фашистские заставы, горят нефтяные амбары Калужских промыслов, подожженные Мурой Янукевич, Павлик взрывает склад у разъезда Энем, Мусьяченко рвет электростанцию...

ПАРТИЗАНСКИЙ ВУЗ

В ноябре осуществляется мечта Евгения: в нашей «фактории» на Планческой создается школа минеров. Она расположена в бараке. «Студенты» чинно сидят за столом, разложив перед собой тетради, и внимательно слушают Ветлугина. Когда им задают вопросы, они встают, по старой школьной привычке: большинство «студентов» – молодежь школьного возраста. Среди них есть и пожилые инженеры, но и они подчиняются общим правилам и так же почтительно встают, отвечая на вопросы.

Иногда во время лекции на Планческую налетают самолеты и сбрасывают бомбы. Жалобно дребезжат окна. Дрожат стены нашего «учебного корпуса». Но Ветлугин продолжает спокойно чертить на доске схему минирования моста. Занятия не прерываются.

Пройдя теоретический курс, наши ученики выходят на минодром – специально оборудованную площадку у реки. Здесь есть все, с чем придется встречаться минеру на операциях: и участки железной дороги, и шоссе, и река с камнями, и нависшие скалы, и мост через реку.

Практическими работами руководит Степан Сергеевич Еременко. Помню, однажды он «начудил», как говаривал когда-то Геня.

...Идут обычные практические занятия в нашей минной школе. Степан Сергеевич принес с собой гранату «РДГ» и объясняет ее устройство. Курсанты сидят за столом и внимательно слушают. Всё идет нормально.

И вдруг, увлекшись, Степан Сергеевич нечаянно спускает ударник. Он растерянно смотрит на курсантов. Сейчас будет взрыв – он может уничтожить всех, кто сидит в этой комнате.

Курсанты бросаются к дверям. В дверях – пробка. И только один Павлик спокойно берет гранату и швыряет в окно.

Слышится звон разбиваемого стекла и взрыв капсюля.

– Занять места! Принести гранату! – приказывает Еременко.

Сконфуженные курсанты садятся за стол.

– Я хотел проверить вашу выдержку, товарищи, – сухо говорит Степан Сергеевич, – ту самую выдержку и хладнокровие, которыми должен обладать настоящий минер-диверсант. Этой выдержки у вас нет. Только один Павлик оказался достаточно хладнокровным и не растерялся. Плохо, товарищи...

Еременко отвертывает доньшко у гранаты: из нижней части на стол высыпается песок.

– Граната учебная. Взорвался только капсюль. И если бы это даже случилось здесь, в комнате, ничего страшного не произошло бы. Впрочем, вы ведь не знали об этом.

Потом, после паузы, уже другим, грустным тоном Степан Сергеевич говорит:

– А за это мне, пожалуй, от Бати попадет. Здорово попадет.

Еременко не ошибся: ему действительно было сделано строгое замечание.

Так в тылу у врага, в глухих кавказских предгорьях, друзья Евгения учат партизан трудному, опасному, но благородному искусству минера-диверсанта: «рвать наверняка, безотказно, насмерть», как мечтал когда-то Евгений в Краснодаре.

В КАМЫШАХ

Сбывается и вторая мечта Евгения: наш основной отряд выделяет «дочерние отряды». Они работают в плавнях, на Тамани, на Львовском шоссе, на переправах через Кубань, в самом Краснодаре.

«Дочерние отряды состоят из местных жителей. Мы даем им только своего командира или главного минера. Только он один знает о нас, получает наши приказания, докладывает об операциях. И снова летят на воздух поезда, пылают взорванные танки, рвутся мосты и в грохоте взрывов звериным криком кричат умирающие фашисты...

Я хочу рассказать о работе одного из этих отрядов – того самого, что под начальством нашего Карпова боролся в кубанских лиманах.

Рыжая птица чепура стоит у воды. Солнце освещает ее черный хохол, серовато-белую шею с розовым налетом. Бурые перья на крыльях отдают зеленоватым блеском. Вытянув вперед длинный желто-восковой клюв, она замерла, зорко высматривая добычу. А вокруг стоят камыши, кивают пушистыми головками и живут своей жизнью.

Плеснула рыба у самого берега. Неслышно ползет светло-оливковый желтопуз. Вспорхнула какая-то птичка с ярко-красной грудкой. Снова плеснула рыба. И опять тишина.

Рыжая чепура поднимает голову. Блестят на солнце ее оранжево-желтые глаза. Она смотрит вверх.

Над лиманом, широко распластав ослепительные, почти двухметровые крылья, летит красавица белая цапля. А над ней в высоком синем небе парит ястреб.

В камышах раздается шорох. Он все ближе, ближе. Уже слышно прерывистое дыхание. Чепура взмахивает черными крыльями и улетает.

К воде подходят двое ребят – племянник Карпова и двенадцатилетняя Галя в голубом, выцветшем на солнце платье, с красными монистами на загорелой шее.

Ребята нерешительно останавливаются. Вокруг стеной, выше человеческого роста, стоят камыши.

– Что нового, племяшка?

Из камышей неожиданно появляется Карпов.

– Беда, дядя! Беда!

– А ты толком говори. Что за беда?

– В хутора нагнали полицейских видимо-невидимо. Приехали на машинах немецкие автоматчики. Их главный позвал к себе дядю Максима. Долго говорили. Потом вышли из хутора и смотрели сюда, на лиманы. И опять говорили. А что

говорили, мы не разобрали. Чуть подойдем – сейчас же гонят. Немец даже револьвер показал...

– Ну, какая же беда?

– Да как же не беда? Дядя Максим здесь каждую камышинку знает. Приведет он проклятых, и перебьют они вас...

– Значит, в гости к нам собрались, – медленно говорит Карпов. – Что ж, будем принимать дорогих гостей. Стол им накроем. Пить-есть дадим. А вы не тревожьтесь. Спасибо, что пришли. Бегите обратно и скажите ребятам, чтобы во все глаза смотрели. Чуть что – опять к нам.

На рассвете, когда над степью уже плывут розовые облака, залитые солнцем, а над водой еще висят клочья утреннего тумана, в камыши широкой дугой входят немцы и полицейские.

Впереди шагает полицейский Максим – ражий мужик с черной окладистой бородой. Он ведет немцев к тому заветному островку, где укрепились партизаны. Он хорошо знает этот островок: несколько дней назад он ужом прополз по камышам и видел, как в шалаш на острове входили люди с карабинами.

Максим ведет немцев так, чтобы отрезать партизанам все тропинки для отступления. Он хочет взять этот остров в клещи.

Немцы идут по камышам, таща за собой легкие лодки. Хлюпает вода под ногами. Шуршит сухой камыш. И лиманы оживают.

Один за другим поднимаются гуси. Летят белые цапли, рыжие чепуры, кряквы. Последней поднимается выпь.

Заслышав людей, она садится и, вытянув туловище, шею, голову и клюв в одну линию, становится похожей на отмерший пучок камыша. Но люди подходят все ближе и ближе, и выпь поднимается. Она летит мягким, бесшумным полетом, все время взмахивая крыльями. Отлетев далеко в сторону, опускается до самых верхушек камышей, внезапно складывает крылья и камнем падает вниз. И над камышами проносится ее тревожный крик, похожий на карканье.

Немцы подходят к острову. Их отделяет от него лишь узкая полоска воды. Берега густо заросли камышом. Только в одном месте желтеет песчаная отмель. Они решают разделить на две группы: первая высадится на отмели, вторая обогнет остров.

Немцы спускают на воду лодки. Первая группа осторожно, держа автоматы наготове, выходит на песок.

Страшно идти вглубь острова: пугает тишина и тревожные крики выпя в камышах. Но надо идти. И группа автоматчиков, низко пригибаясь к земле, крадется дальше. С ними – предатель Максим.

За бугорком вырастает шалаш. Немцы ложатся и ждут. Они лежат десять, пятнадцать, двадцать минут – никого. Только выпь все кричит и кричит в камышах.

Первым поднимается ефрейтор, здоровый детина с «железным крестом» на груди.

Осторожно отодвинув сплетенную из камыша дверь, он входит в шалаш.

Шалаш пуст. Но совсем недавно здесь были люди: на столе лежат нарезанные помидоры, куски сала, хлеб и стоит бутылка из-под водки; она наполовину пуста.

Ефрейтор берет бутылку, нюхает, весело ухмыляется и, задрав голову, пьет прямо из горлышка.

В шалаш входят Максим с автоматчиком. Немец с грустью смотрит на ефрейтора: этот детина может вылакать бочку и ничего ему не оставить.

И вдруг под лавкой он видит плетеную корзину. Из корзины заманчиво торчат красные сургучные головки водочных бутылок.

Автоматчик нагибается.

– Брось! – кричит Максим.

Поздно. Немец вытаскивает корзину – и страшный взрыв гремит над лиманом. Он сметает шалаш, рвет на части ефрейтора, Максима, автоматчика.

Одновременно взлетает на воздух песчаная отмель, где пристали немецкие лодки. И, как эхо, гремят взрывы на другом конце острова: это взорвалась на минах вторая группа фашистов, которая пошла в обход острова.

Уцелевшие немцы мечутся по берегу. Они бросаются к лодкам. Но камыши ожили. Оттуда летят гранаты и бьют карабины.

Ни один немец не уходит живым с острова.

И снова тишина стоит над лиманом. Даже выпь не кричит: испугалась грохота мин и улетела далеко-далеко. Только у самого берега серебрится поверхность воды: это всплыла оглушенная взрывом рыба.

РУССКОЙ СОЛДАТ

Немцев разбили под Сталинградом. Их бьют на Кубани. Уже взята минераловодческая группа. Но фашисты по-прежнему рвутся к Черному морю, прижимая нас к горам.

Мы ведем бой на подступах к нашей «фактории» под Крепостной. Кажется, земля и воздух до предела наполнены грохотом разрывов, треском пулеметов, стоном мин. Наши стрелки едва успевают перезаряжать автоматы. Но из кустов, из-за камней, из-за пригорков появляются все новые и новые колонны немцев.

И вдруг с правого фланга раздаются частые автоматные очереди и громкое, могучее «ура».

Я бросаюсь туда – и не верю глазам: рассыпавшись цепью, идут в атаку красноармейцы.

Откуда? Как здесь, в нашей глуши, на подступах к Крепостной, в разгар жестокого боя появились красноармейцы?

Они идут, цепь за цепью, шеренга за шеренгой, – серые шинели, звезды на шапках, штыки наперевес.

За громадным камнем, поросшим зеленоватым мхом, боец перевязывает рану.

– Откуда; товарищ?

Боец молча кивает головой на юг.

Там, закрытые серыми рваными тучами, стоят снеговые вершины Кавказа.

Нет, оттуда они не могли прийти: там нет прохода.

Боец кончил перевязку. Он берет винтовку и деловито спрашивает:

– Отец, Краснодар близко?

Я не успеваю ответить. Он бежит догонять своих. А могучее «ура» уже гремит далеко за оврагом...

Откуда бы они ни пришли – в бой! Вместе с ними. Рука об руку, локоть к локтю.

Мы никогда не дрались так, как тогда. И немцы не выдержали удара. Они побежали к вершине горы Ламбина, где за тремя рядами дзотов, за пятиярусным переплетом колючей проволоки стоят их основные силы.

Немецкие наблюдатели видят свои бегущие части. Они видят красноармейцев, неведомо откуда пришедших сюда, в предгорья Кавказского хребта.

В панике немцы закрывают проходы в колючей проволоке. Орудия с горы Ламбина открывают заградительный огонь. Перед отступающими вырастает огненная стена. Немецкое командование жертвует своими солдатами, только бы на их плечах не ворвались на вершину эти внезапно появившиеся, эти страшные красноармейские цепи.

Немцы в ужасе мечутся в кольце. Мы рвем их боевые порядки. Бойцы орудуют штыком, прикладом, саперной лопаткой. Наши выхватывают ножи.

Небольшая группа уцелевших фрицев, бросив оружие, поднимает руки...

Вечером я присутствую при допросе пленного офицера, командира немецкой горноегерской части. Он машинально отвечает на вопросы: его мучает какая-то неотвязная мысль.

– Скажите, господин лейтенант, – неожиданно спрашивает немец, – откуда вы пришли?

– Оттуда, – улыбается лейтенант и, как тот раненый боец у камня, показывает на юг.

– Не может быть! Мне хорошо известна эта часть хребта: по его козьим тропам не пройдет даже горная лошадь.

– А мы все-таки прошли.

– Нет, нет. Люди там не могли пройти... Это мертвецы встали из могил, – с каким-то суеверным ужасом шепчет немец...

Батальон шел через горы несколько дней. Бойцы карабкались на кручи, в кровь разбивали ноги. Последние два дня ничего не ели. Но они все-таки перевалили через горы и с хода бросились в штыки.

Это мог сделать только русский солдат.

МОСТЫ ВЗЛЕТАЮТ НА ВОЗДУХ

С гор спускается батальон за батальоном.

Истомленные страшным переходом через горные кручи, бойцы с хода идут в наступление. И снова я слышу один и тот же вопрос:

– Товарищ, Краснодар близко?

Мы идем вместе с ними. Кабаными тропами проводим их в тыл врага, рвем скалы, расчищая дорогу артиллерии, взрываем немецкий бронепоезд и шаг за шагом все ближе подходим к столице Кубани.

Немцы отступают. Непрерывным потоком движутся их колонны по мостам через Кубань. Нашим «дочерним» отрядам отдан приказ: рвать мосты.

Первым взлетает на воздух мост у Яблоновского и Стефановки. Их рвут смелые девушки-рыбачки, обученные нашими минерами

Немцы перебросили через Кубань шесть понтонных мостов. Они сосредоточены в одном месте и так замаскированы, что даже наша авиация не может обнаружить их.

Но эта тайна уже давно раскрыта нашим «дочерним отрядом», которым командует инженер Ельников, и ночью назначен взрыв.

В полночь над Кубанью взвиваются две белые ракеты Ельникова. У дебаркадера, что стоит в Краснодаре, против улицы Гоголя, раздается приглушенный стон: это наши товарищи из городского партизанского отряда ножами снимают сторожей.

Дебаркадер медленно отчаливает от берега. Почти одновременно отрываются от причалов тяжелые баржи и, кружась, плывут за дебаркадером.

По понтонным мостам непрерывным потоком идут отступающие колонны немцев. Неожиданно из темноты вырастает дебаркадер. Своей тяжестью он давит и разрывает два моста. В ледяную воду Кубани летят повозки, автомобили, пушки. Кричат немцы, барахтаясь в холодной воде.

Вспыхивает беспорядочная пальба.

Подходят баржи и срывают еще два моста. Новые крики, новая стрельба.

Но пятый и шестой мосты стоят нерушимо.

И вот тогда-то подходят сверху заранее подготовленные плоты Ельникова, вооруженные взрывчаткой.

Один за другим раздаются несколько взрывов. В ночное небо поднимаются столбы воды, обломки мостов, баржи, дебаркадеры.

Немцы бьют из пулеметов в темноту ночи. Кубань молчит...

У фашистов остается последний мост – у Горячего Ключа. Его должна взорвать наша группа под командованием Бибикова, директора маргаринового завода, – того самого, что сапожничал на Планческой у Слащева.

Несколько раз пытается Бибиков прорваться к мосту, но каждый раз терпит неудачу. Тогда он решается на дерзкую операцию.

Ночью на дно двух лодок погружены мины с мгновенными взрывателями. В каждую лодку садится по минеру.

В кромешной тьме лодки беззвучно плывут к мосту. Минеры сидят в воде – лодки полузатоплены, чтобы быть менее заметными на поверхности реки, – и у минеров судорогой сводит ноги от холода.

Когда впереди вырисовываются неясные очертания моста, минеры ныряют в воду. Через минуту грохочут два взрыва: последний мост через Кубань взлетает на воздух.

Оба минера спасаются чудом...

Немцы спешно наводят через Кубань штурмовые мостики. Это все, что они могут сделать.

Группа Ельникова рвет мостики плотами со взрывчаткой.

Красная армия все ближе и ближе подходит к родному Краснодару.

КРАСНОДАР НАШ!

Я никогда не забуду 12 февраля 1943 года...

По заданию командования, наша основная группа рвет дороги отступления немцев в шестидесяти километрах от Краснодара.

На рассвете подходим к маленькому хутору. На задах у сарая стоит седобородый казак. Несколько мгновений мы настороженно оглядываем друг друга. Неожиданно старик решительно шагает навстречу, крепко обнимает Елену Ивановну и трижды истово целует.

– Наш Краснодар! Поняла? Наш, советский! Я что говорил? Не быть Кубани под немцами! Не сломить проклятым казацкой воли! Была Кубань вольной – вольной и останется. Во веки веков. Поняла, мать?

Краснодар наш!

Как пришла эта весть к старому казаку? Как несется она из хутора в хутор, от станицы к станице, когда вокруг немецкие гарнизоны, когда у перекрестков дорог; притаились немецкие засады и на станичных площадях стоят виселицы с телами казненных?

Но разве удержишь эту весть? О ней кричат белые хаты, о ней кричат тополя, кричит небо, кричит тучная благословенная кубанская земля.

Столица Кубани – наша!

Мы идем в Краснодар.

Грязь невылазная. По разбитому шоссе бегут немцы, бросая танки, автомобили, артиллерию.

Так хочется скорее попасть в город, что, вопреки обычаю, идем днем.

В станицах праздник. Еще вокруг немцы, а казаки уже вылавливают предателей, нападают на небольшие группы фашистов, сами разбирают мосты на путях отхода врага.

Нас встречают, как родных. Провожая, казачки суют в карманы вареные яйца, сало, хлеб...

Боевую разведку ведет Павлик. Его высокая фигура с автоматом у пояса и мешком за спиной все время маячит впереди.

Если бы ему дать волю, он бы рысью помчался домой. Но мы идем медленно: Елена Ивановна еле передвигает ноги.

До сих пор она держалась на нервах. А сейчас, когда рядом родной дом, она сдала.

Я знаю, ее страшит возвращение домой, где каждая мелочь настойчиво, неотвязно напомнит ей, что ребят больше нет, что они не вернуться, что никогда она не увидит сияющих Гениных глаз и Женя ласково не поцелует ее руки. Она рвется домой и боится дома...

Наши чувствуют это большое материнское горе и трогательно берегут Елену Ивановну. Но трудно сдержать радость, брызжущую через край, когда каждый подбитый немецкий танк на обочине дороги, каждый выстрел на окраине хутора, отдаленный грохот боя – все вокруг говорит об одном и том же: Краснодар наш!

Трудно не думать о Краснодаре, не вспоминать его улиц, родного дома, близких, любимых, друзей...

Наши не говорят об этом, стараясь не коснуться, не разбередить раны Елены Ивановны. И мы болтаем о пустяках, о ненужных мелочах, будто ничего не случилось, будто мы не встречали старого казака у плетня и просто вышли на обычную, будничную операцию.

Но разве закажешь сердцу?

Павлик неожиданно, как горный козел, прыгает через крошечную лужицу. Не рассчитав прыжка, падает в грязь и весело, заливчато смеется.

Валерий смотрит на серые лохматые тучи и широко, по-детски улыбается. Потом, быстро взглянув на Елену Ивановну, сурово морщит брови. Но проходит минута – снова радостно блестят его глаза. И даже наш Ветлугин, всегда да такой выдержанный, уравновешенный, спокойный, завидев красные звезды на крыльях самолета, идущего на бомбежку, вдруг срывает фуражку и машет над головой, забыв, что мы еще не дома, что за каждым кустом, в каждом овражке сторожит смерть.

Елена Ивановна идет молча, прямо смотря перед собой. Слез нет, глаза сухие. Наши освободили ее от тяжелой нагрузки. Валерий взял автомат и снял гранаты с пояса. Остался только револьвер – подарок Командующего фронтом.

Идти по шоссе нельзя: сплошной пестрой лентой движутся по нему отступающие немецкие колонны. Мы колесим по проселкам, утопая в грязи.

Где-то близко бьют тяжелые гаубицы и гудят в небе наши самолеты.

Мы переходим линию фронта у Ново-Дмитриевской.

Идет жестокий бой: наши гвардейцы выбивают немцев из укрепленного рубежа за Георгие-Афипской.

Проскочить невероятно трудно. Но Павлик все-таки находит стык в расположении немецких частей и без боя выводит наш партизанский отряд к передовым красноармейским постам.

Молодой сержант внимательно читает наши документы. Сурово оглядывает нас с ног до головы. Потом, ловко закинув автомат за спину, обнимает меня и, как тот старый седобородый казак на хуторе, трижды целует.

– Идите, товарищи, – путь свободен!..

Мы идем по улицам родного Краснодара. Какими дорогими кажутся эти дома, площади, скверы!

В городе масса брошенных немцами танков, танкеток, автомобилей, тягачей, мотоциклов. Они стоят на площадях, в переулках, во дворах. Около них взяты наши трофейные команды.

Мы с гордостью идем мимо этой еще недавно грозной немецкой техники. В том, что она обезврежена, в том, что красный флаг поднят над Краснодаром, есть доля и нашего участия.

Мы идем по улицам. Навстречу выбегают незнакомые люди, жмут руки, обнимают, поздравляют с возвращением.

– Мама, а немцы говорили – партизаны страшные! – говорит восьмилетняя черноволосая девочка, глядя на нас восторженными глазами.

Мы входим в нашу квартиру. Она разграблена.

Елена Ивановна молча обходит комнаты, берет в руки случайно уцелевшие вещи наших ребят и долго смотрит на них.

Потом садится и плачет...

Вечером мы с Терентием Ветлугиным подводим итоги работы нашего отряда за полгода.

Пущено под откос сто пятьдесят пять вагонов, из них тридцать вагонов со снарядами, восемьдесят девять с живой силой врага, тридцать шесть вагонов с вражеской техникой.

Взорвано восемь шоссежных и железнодорожных мостов.

Уничтожено десять танков, тринадцать танкеток, тридцать шесть тяжелых орудий, свыше ста мелких пушек и минометов, восемь бронемашин, тридцать грузовых пятитонных и семитонных машин, четыре легковые штабные машины.

Убито 1894 солдата и офицера противника и 2525 тяжело ранено. Потери нашего отряда: трое убито, двое замучены немцами, двое тяжело ранены.

ВЕЛИКАЯ ЧЕСТЬ

Родина оказала великую честь моим сыновьям: им посмертно присвоено звание Героев Советского Союза.

Их решено похоронить в столице Кубани, в сквере имени Свердлова.

...Я еду на четвертый километр – туда, где погибли мои ребята.

Так же как в ту памятную октябрьскую ночь, стоят тополя вдоль полотна дороги, ветер шумит верхушками кленов, и заливчато поют птицы в кустах.

Я нахожу место взрыва – на земле лежат обгорелые доски вагонов, исковерканные железные листы. Ищу могилу ребят и не могу найти. Брожу в густом кустарнике, продираюсь через заросли колючего терна, снова возвращаюсь к месту взрыва. Могилы нет.

Уже в сумерки я натываюсь в кустах на лоскутья. Они выцвели на лучах солнца. Это обрывки комбинезона Гени и теплой куртки Евгения. А рядом с ними – маленький бугорок земли. Он весь закрыт ветками орешника, и на нем буйно растет молодая весенняя трава...

В зале городского совета – море цветов. Кажется, родная Кубань прислала сюда все маки, пионы и розы, все ландыши и сирень своих садов, степей и предгорий.

Утопая в цветах, стоят два гроба с останками моих ребят.

Два дня непрерывный людской поток течет через зал. Проходят старики, женщины, рабочие, инженеры, школьники, партизаны, бойцы, офицеры Красной армии.

В полдень жаркого майского дня сорок третьего года тысячи людей идут е последний раз проводить моих сыновей.

Два гроба медленно плывут на руках. Колышутся знамена. Торжественно и печально звучит шопеновский марш.

За гробами движутся нескончаемые людские колонны. В их рядах соратники Евгения – суровые, молчаливые партизаны и друзья Гени – юные школьники, горячая, страстная молодежь, мечтающая о подвигах и славе.

В сквере имени Свердлова проходит короткий траурный митинг.

Два гроба опущены в могилу. Гремит троекратный прощальный салют. А в синем высоком небе кружат боевые самолеты. Отдав воинский долг погибшим, они берут курс на запад, чтобы там, над болотами и плавнями Тамани, продолжать великое дело борьбы во славу отчизны, за которое отдали свои жизни мои сыновья.

И теперь над могилой моих сыновей в краснодарском саду возвышается памятник. Возле него толпятся красноармейцы, комсомольцы, пионеры, школьники.

Они приходят взглянуть на памятник героям Кубани. На нем написано:

Указ Президиума Верховного Совета СССР.

7 марта 1943 гола.

За отвагу и геройство, проявленные в партизанской борьбе в тылу против немецко-фашистских захватчиков, присвоить Гене и Евгению Петровичам Игнатовым звание ГЕРОЕВ СОВЕТСКОГО СОЮЗА с вручением ордена Ленина и медали ЗОЛОТАЯ ЗВЕЗДА.

Мы с Еленой Ивановной приходим на дорогую могилу.

Школьники, комсомольцы, бойцы и жители узнают нас, окружают и просят рассказать о братьях Игнатовых.

Мы садимся на ступеньки памятника и рассказываем о наших сыновьях.

Игнатов П. Братья-герои. – М. – Л., «Детгиз», 1945.